

В. П. Кирилко

Крепостные сооружения средневековой Алушты

Keywords: Crimea, Aluston, Justinian I, medieval fortification, Alushta towers.

Cuvinte cheie: Crimeea, Aluston, Iustinian I, fortificație medievală, turnurile din Alușta.

Ключевые слова: Крым, Алустон, Юстиниан I, средневековая фортификация, башни Алушты.

V.P. Kirilko

Fortress Structures in the Medieval Alushta

History of Alushta, which developed from a small Byzantine outpost to a small urban center — i.e. Genoese commercial trading post with a powerful fortress — distinguishes five main construction horizons connected with erection of specific fortification structures: 1 — early Byzantine (560s — second half — late 7th c.), 2 — Khazar (8th c. — first half of 10th c.), 3 — Byzantine (950s — late 13th cc.), 4 — Golden Horde (late 13th — 1380s), 5 — Genoese (1380s — 1470s).

The fort was founded by Justinian I (527—565) and first represented a trilateral court fenced by powerful walls, erected atop a small hill at the seaside. In the 9th — 10th cc., the area of the fortress extends towards the field side owing to a small trading quarter fenced by a defensive wall from the outside. The wall was destroyed in 10th c. and was not restored ever after. For a number of centuries, the initial fort served as the only protection for the urban dwellers. The second line of defense reemerged in 1420s. The most important changes in fortifications happened in 1460s, and hence the fort acquired its accomplished form. It included capital reconstruction of the external wall, then out-of-date and worn. The obsolete curtains were replaced by a new, more powerful wall, which was erected outside, in the immediate vicinity with the old curtains, and which was fortified by three towers at the field side.

V.P. Kirilko

Fortificațiile Aluștei medievale

În istoria Aluștei medievale, care, dintr-un mic avanpost bizantin, a devenit un centru urban și o factorie geneveză cu o importantă fortificație, se disting cinci orizonturi principale de construcție, care pot fi puse în legătură cu unele elemente concrete ale ansamblului de fortificații: 1 — bizantină timpurie (a doua treime a sec. VI — prima jumătate și sfârșitul sec. VII), 2 — hazară (sec. VIII — prima jumătate a sec. X), 3 — bizantină (a doua jumătate a sec. X — sfârșitul sec. XIII), 4 — Hoardei de Aur (sfârșitul sec. XIII — anii 80 ai sec. XIV), 5 — geneveză (anii 80 ai sec. XIV — anii 70 ai sec. XV).

Fortificația a fost fondată de către Iustinian I (527—565), și inițial reprezenta o platformă triunghiulară, înconjurată cu ziduri și amplasată pe vârful unui mic promontoriu din apropierea mării. În sec. IX—X, teritoriul cetății crește, incluzând un spațiu adiacent fortificației, mărginit și el de un zid de apărare. Acest zid a fost distrus în sec. X și nu a mai fost refăcut, fortificația inițială rămânând unica protecție pentru orașeni pentru timp de câteva secole. În anii 20 ai sec. XV din nou apare a doua linie de apărare. Cele mai importante modificări ale structurii de fortificare au fost aplicate în anii 60 ai sec. XV, cetatea căpătându-și aspectul actual. A fost realizată o reconstrucție generală a zidului exterior. În locul curtinelor, lângă ele a fost ridicat un zid nou, mai masiv, întărit cu trei turnuri.

В. П. Кирилко

Крепостные сооружения средневековой Алушты

В истории развития средневековой Алушты, прошедшей путь от небольшого византийского форпоста до малого городского центра — генуэзской торговой фактории с мощной крепостью, выделяется пять основных строительных горизонтов, соотносимых с конкретными сооружениями фортификационного ансамбля: 1 — ранневизантийский (вторая треть VI — вторая половина — конец VII вв.), 2 — хазарский (VIII — первая половина X вв.), 3 — византийский (вторая

половина X — конец XIII вв.), 4 — золотоордынский (конец XIII — 80-е годы XIV вв.), 5 — генуэзский (80-е годы XIV в. — 70-е годы XV в.).

Укрепление основано Юстинианом I (527—565), первоначально представляло собой ограждённую мощными стенами трёхстороннюю площадку на вершине небольшой возвышенности вблизи моря. В IX—X вв. территория крепости увеличивается с напольной стороны за счёт небольшого посада, обрамлённого снаружи оборонительной стеной. Данная ограда подверглась разрушению в X в. и больше не восстанавливалась. Единственной защитой для горожан на несколько столетий остаётся первоначальное укрепление. В 20-х годах XV в. вновь появляется вторая линия обороны. Наиболее значительные изменения в фортификационной структуре произошли в 60-х годах XV в., после чего крепость получила законченный вид. Осуществляется капитальная реконструкция внешней крепостной ограды, морально и физически устаревшей. Взамен упразднённых куртин, в непосредственной близости от них, снаружи возводится новая, более мощная, стена, усиленная с напольной стороны тремя башнями.

Посвящается глубокоуважаемым юбилярам, благопритствовавшим моему профессиональному становлению: Анатолию Николаевичу Кирпичникову, на примере и книгах которого я вырос, и Виктору Леонидовичу Мыцу — моему учителю и ведущему исследователю данного памятника.

Введение

Укрепление Алушты находится на южном берегу Крымского полуострова в 200 м от моря и занимает вершину небольшой возвышенности с крутыми склонами, расположенной между устьями двух маленьких рек в центральной части современного города Алушта (рис. 4—8). В настоящее время оно представляет собой компактный, неоднократно перестраивавшийся, фортификационный ансамбль с двумя линиями обороны — цитаделью и внешней оградой, которая с напольной (самой приступной), северо-восточной, стороны усилена тремя башнями. Нынешние названия последних имеют позднее тюркское происхождение, отражая их характерные особенности: Ашага-Куле («Нижняя»), Орта-Куле («Средняя») и Чатал-Куле («Рогатая»).

Крепость основана Юстинианом I (527—565), о чём, описывая строительную деятельность византийского императора на территории полуострова, сообщает в трак-

тате «De aedificiis» Прокопий Кесарийский: «Он воздвиг там и два укрепления, так называемые Алушта и в Горзубитах» (Прокопий 1939: 249). Дальнейшая история сооружения в документальных источниках отражена слабо и представлена лишь лаконичными, в контексте различного рода событий, упоминаниями возникшего на этом месте города и сведениями о недавних ремонтах отдельных оборонительных объектов. В 60-х годах X в. Алус принадлежал хазарскому кагану Йосифу (Жоковцев 1932: 102). Согласно свидетельству арабского географа и путешественника Абу Абдаллах Мухаммед ал-Идриси (ок. 1100—1165), в XII в. Шалушта была большим и красивым приморским городом (Гаркави 1891: 244—245). Позднее она появляется на портуланах, где имеет разные варианты написания топонима: Lasta (1318), Austa (1367), Alusta (1408), Lustra (1480), Lustia (1487), Lusta (1514), Lusto (без даты), Lusca (1570) (Кёппен 1837: 156—157).

Глава 1. История исследования памятника

Самое раннее описание оборонительных сооружений средневековой Алушты принадлежит П. С. Палласу, побывавшему здесь в 1793—1794 гг. Со ссылкой на трактат Прокопия Кесарийского, их руины он определяет как остатки «древней греческой крепости», сообщая при этом о развалинах «трех башен и крепостной стене, сложенных из дикого камня, аршин в 5 вышины и от двух до трех толщины», а также то, что «посреди укрепления заметна поперечная стена». Довольно точными являются наблюдения исследователя относительно качественных характеристик фортификационной

структуры объекта: «Большая круглая башня составляла юго-восточный угол укрепления, против моря, на крутом холме; от нее идет стена прямо на запад, — где она, по причине отлогости холма, укреплена прочнее. На северо-восточной стороне стена укреплена слабее и имела здесь тупой угол, подле которого находилась четырёхугольная башня; а за нею, на расстоянии 70 шагов, — другая, на северном углу. Северный и западный склон холма представляет отвесный утес против долины и здесь заметны только признаки стены» (Путешествие 1881: 171—172; Паллас 1999: 86).

Рис. 1. В стенах средневекового укрепления Фуна. На снимке слева направо: А.Н. Кирпичников, О.А. Кондратьева, В.Л. Мыц, С.В. Мыц, С.Б. Адаксина, М.Л. Меншикова. Май 1985 г. Фото автора.

Fig. 1. Behind the walls of the medieval Funa fort. From the left to the right: A.N. Kirpichnikov, O.A. Kondratieva, V.L. Myts, S.V. Myts, S.B. Adaxina, M.L. Menshikova. May 1985. Photo by the author.

Рис. 2. В.Л. Мыц, А.Н. Кирпичников и О.А. Кондратьева у крепостных ворот Фуны. Май 1985 г. Фото автора.

Fig. 2. V.L. Myts, A.N. Kirpichnikov and O.A. Kondratieva at the Funa fort's gate. May 1985. Photo by the author.

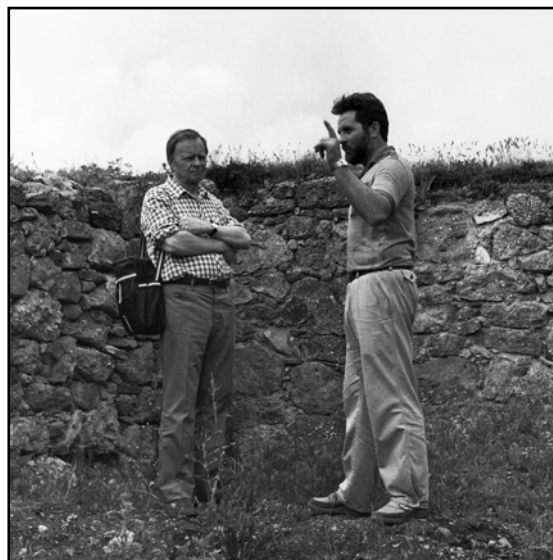

Рис. 3. А.Н. Кирпичников и В.Л. Мыц внутри фунского донжона. Май 1985 г. Фото автора.

Fig. 3. A.N. Kirpichnikov and V.L. Myts inside Funa's Dungeon. May 1985. Photo by the author.

Рис. 4. Алушта. Вид с моря. Почтовая открытка начала XX в.

Fig. 4. Alushta. A View from the Sea. Postcard of early 20th c.

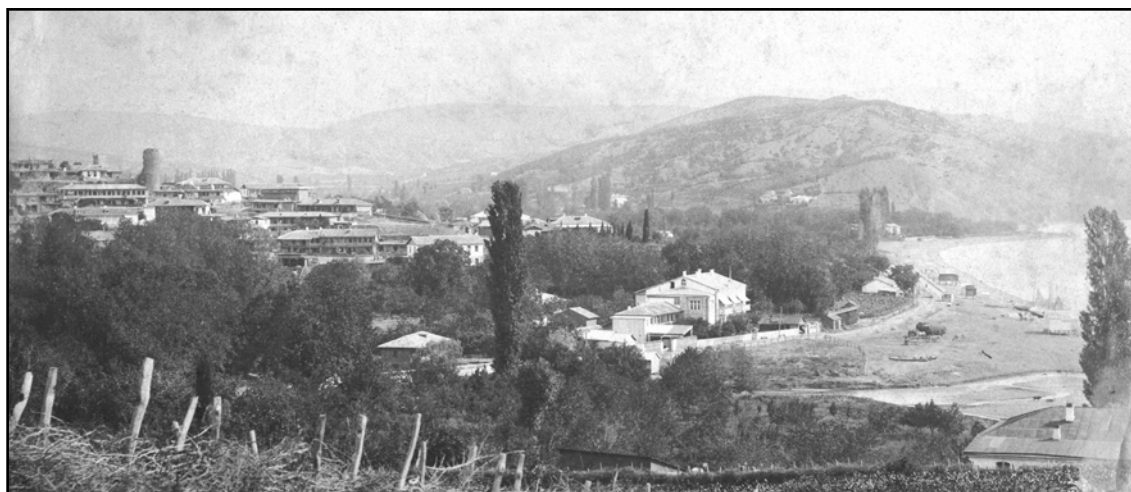

Рис. 5. Крепостная горка и побережье. Вид с юго-запада. Конец XIX в. На переднем плане — устье реки Улу-Узень.

Fig. 5. Fortress Hill and coastline. View from the south-west. Late 19th c. In the foreground: mouth of the Ulu-Uzen River.

Е. Е. Кёллер, посетивший Алушту в 1821 г., отнёс её оборонительные сооружения к числу достопримечательностей, подлежащих обязательному сохранению, не определяя при этом их происхождение. Сопровождавший учёного в поездке по Крыму архитектор Э. Паскаль выполнил два рисунка — «Вид и план Алушты, с развалинами крепости», судьба которых

до сих пор неизвестна (О сохранении 1872: 390; Тункина 2002: 81, прим. 72). О самом же укреплении Е. Е. Кёллер, задавшись целью выяснить состояние объекта, в своём дневнике сообщил только общее впечатление и отметил возникшее при ознакомлении с памятником недоумение: «18 августа, четверг. В 7 часов утра я вышел, чтобы осмотреть развалины

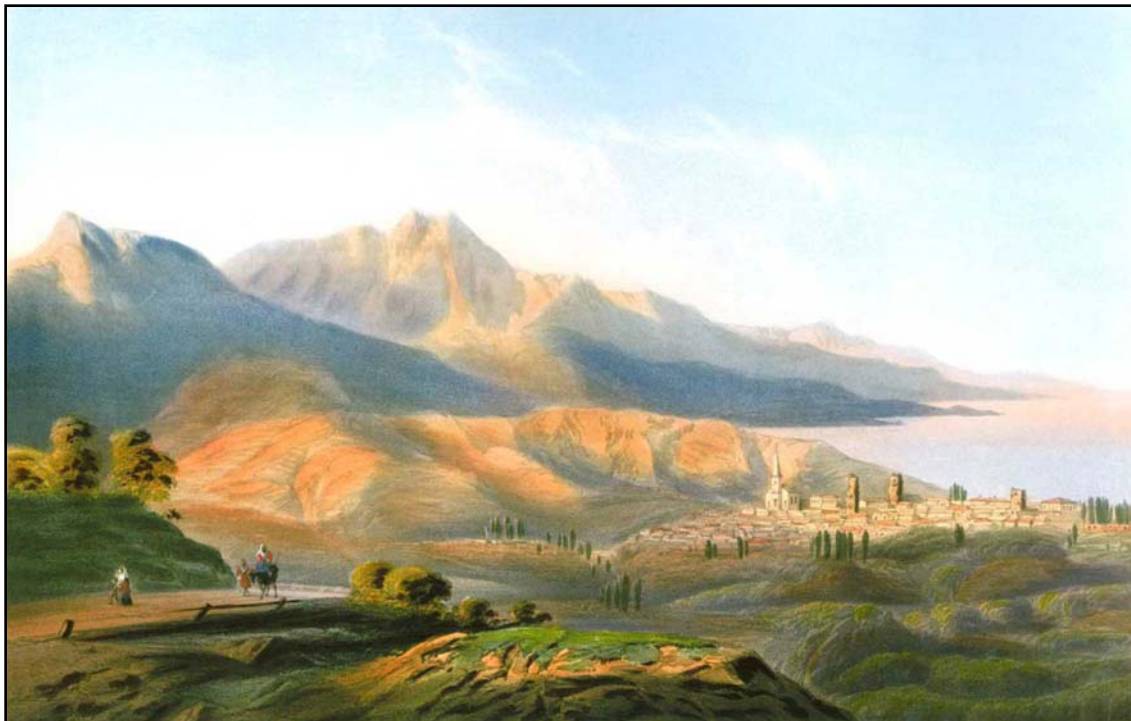

Рис. 6. Алушта. Вид с северо-запада. Литография К. Боссоли. 1840—1842 гг. (по Пейзажи 2003: 29).

Fig. 6. Alushta. View from the north-west. Lithography by K. Bossoli. 1840—1842 (after Пейзажи 2003: 29).

Рис. 7. Замок Алустон (Алушта). Вид с востока. Гравюра В. Руссена. 1843—1449 гг. (по Мальгина 2006: 51, № 249).

Fig. 7. Aluston Castle (Alushta). View from the east. Engraving by V. Russin. 1843—1449 (after Мальгина 2006: 51, № 249).

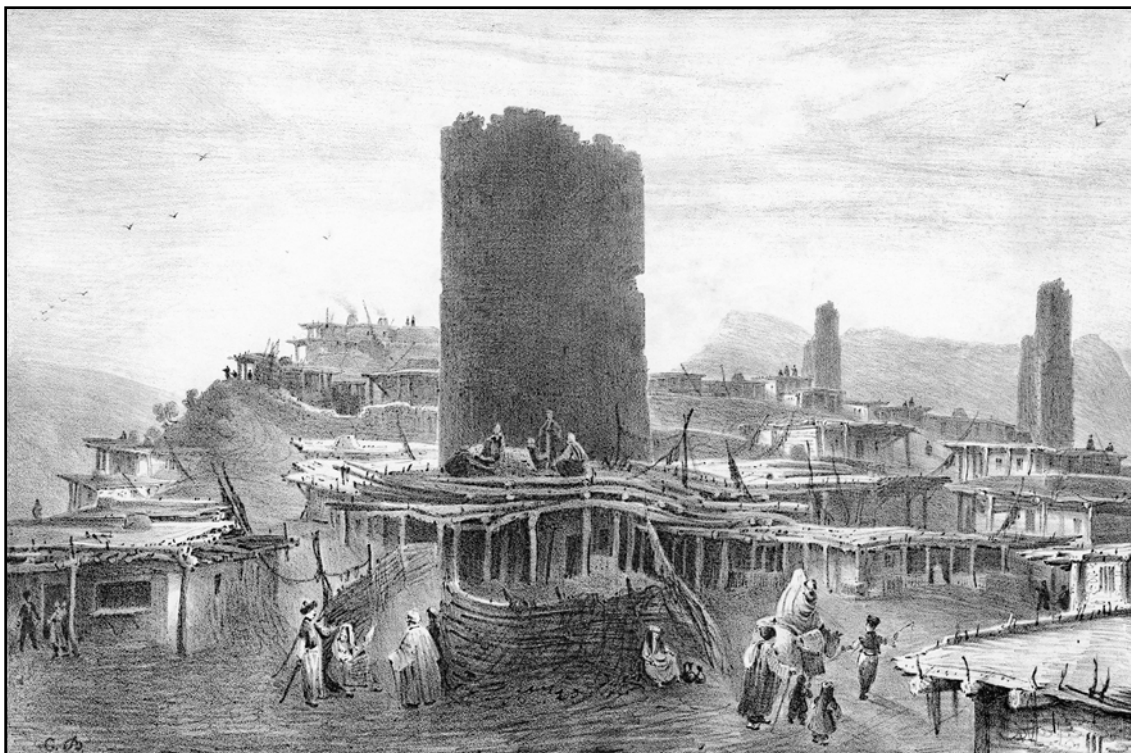

Рис. 8. Алушта. Вид с юго-востока. Литография К. Боссоли. 1841—1842 гг. (по Мальгина 2006: 41, № 104).

Fig. 8. Alushta. View from the south-east. Lithography by K. Bossoli. 1841—1842 (after Мальгина 2006: 41, № 104).

древней крепости. Часть внушительных стен ещё стоит; но от башни (Чатал-Куле — В. М.) с одной стороны вовсе ничего не сохранилось. Если считать, что это остатки генуэзских построек, то удивляет отсутствие на них плит с надписями»¹.

П. И. Кёппен первым из исследователей вводит в научный оборот план крепости (рис. 9), который, предположительно, был снят в 1835 г. топографом Симферопольской межевой комиссии Литвиненко, в то время выполнившего аналогичную работу на другом памятнике, находившемся недалеко от Алушты — у подножия г. Демерджи (Кёппен 1837: 101, 154; Кирилко 2004: 65—71). Представляя чертёж, он отмечает, что укрепление, «сообразуясь с местностью, составляло весьма неправильный пятиугольник», внутри которого выделяется обособленная часть «как бы Акрополь или верхний го-

род». Учёный приводит татарские названия башен и их перевод, обращает внимание на отдельные конструктивные характеристики строений, сообщает о ремонте Орта-Куле в 1833 г. и обрушении половины Чатал-Куле

Рис. 9. План Алуштинской крепости (по Кёппен 1837: 154).

Fig. 9. Plan of Alushta Fortress (after Кёппен 1837: 154).

¹ Пользуясь случаем, благодарю исследователей путевого дневника Е. Е. Кёллера — И. В. Тункину и В. Л. Мыца за любезно предоставленную мне возможность использовать в настоящей работе неопубликованные материалы их изысканий. Перевод текста с немецкого выполнен И. М. Дунаевской по авторской рукописи, хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки под шифром Нем. IV Q 181. Л. 244—272об.

в 1830 г., пытается определить историческое место объекта, подчеркнув особенность его расположения: «В ряду береговых укреплений Алушта примечательна тем, что отсюда уже следует крепость за крепостью в близком друг от друга расстоянии и в явной между собой связи находившиеся» (Кёппен 1837: 154—158).

Информацию о фортификационных сооружениях Алушты, представленную П. И. Кёппеном, вскоре почти дословно повторил Ф. Дюбуа де Монпере, побывавший здесь в 1834 г., расширив её, в частности, сведениями о геологическом строении возвышенности («сланцевый холм»), занятой крепостью. При этом опубликованный тем план он считает точным и таковым, «который стоит принять во внимание». Исследователь выполнил две зарисовки практически одинаковых видов Алушты с остатками укрепления на дальнем плане, одну из которых дополнил данными о горных породах ближайших окрестностей (Дюбуа де Монпере 2009: 140, лист XI, XLVII).

Упомянутый П. И. Кёппеном ремонт 1833 г. на некоторое время приостановил разрушение оборонительных сооружений крепости, но вскоре необходимость их сохранения вновь стала актуальной. В 1863 г. для предупреждения несчастных случаев по предписанию губернатора принимается решение разобрать верхнюю часть башни Чатал-Куле, находившуюся на небезопасном расстоянии от мечети. Одновременно, «для обеспечения нормального существования» средней башни, в которой обнаружилась давняя трещина, рекомендовано устройство «контрфорса с задней стороны высотой примерно в две-третьи вышины всей стены» (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. № 1167. Л. 3, Зоб.).

В соответствии с одобренным проектом, в сентябре 1866 г. верхушка Чатал-Куле была удалена (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. № 1167. Л. 24, 32—35), однако вскоре, в 1871 или 1872 гг., оставшаяся часть руины подверглась окончательному разрушению (Струков 1872: 12, 32; Мьщ 2002: 140).

В конце 1880 г. возникла угроза уничтожения верхней половины Орта-Куле, которая, согласно утверждению одного из местных жителей, «валится», что, в конечном итоге, после непродолжительной переписки, ознаменовалось появлением 12 марта 1881 г. примечательного документа, направленного Императорским Одесским обществом истории и древностей в Таврическое губернское правление: «На отношение Губернского Правления от 24 февраля сего года за № 122 Общество

имеет честь уведомить, что желательно разобранная Алуштинской башни, угрожающей, как полагает г. Таврический Губернский Инженер, падением, времени которого предугадать нельзя: оно возможно чрез несколько дней и по истечении столетия, общество полагает обстоятельство — сохранить или разобрать — на полное благоусмотрение господина Инженера. Археология и самая Алуштинская историческая местность и общество много будут обязаны господину Инженеру за возможное сбережение этого памятника VI века. Вице-Президент Мурзакевич. Секретарь Юргевич» (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. № 1558. Л. 55, 70). Результаты неизвестны.

В 1897 г. вновь потребовалось приведение руин башен в безопасное состояние, на их ремонт было выделено 800 руб. Озабоченность судьбой крепостных построек, а также необходимостью сохранения их исторического облика проявили Московское Императорское археологическое общество, Императорская археологическая комиссия и Таврическая учёная архивная комиссия. Затянувшаяся на несколько лет бюрократическая волокита благополучно завершилась к осени 1901 г. закладкой вывалов и возведением контрфорсов, причём четверть отпущенных средств осталась неиспользованной (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. № 2688. Л. 1, 2, 4, 56, 96, 121, 137; № 2568. Л. 22—26, 39—41, 94; Протоколы 1899: 154).

Новые проблемы с сохранением памятника возникли в апреле 1909 г., когда обитатели усадеб, смежных с Орта-Куле, обратились к Таврическому губернатору с просьбой относительно башни, пытаясь добиться «распоряжения о снятии верхушки таковой сажени на две и укрепить ее», чтобы обезопасить свои владения от выпадающих из кладки камней. По этому поводу достаточно чёткую позицию заняла Императорская Археологическая комиссия: «ремонт гегуэзской башни близ г. Алушты может быть произведен без разборки каких-либо частей ее и должен заключаться лишь в заделке проломов камнем на цементе, в таковом же укреплении утраченных частей и в закреплении шатающихся камней, без каких-либо изменений в древнем виде башни». О самих противоаварийных работах, обусловленных жалобой, достоверных сведений нет, за исключением, пожалуй, того, что составление сметы затянулось на девять месяцев и предполагалось потратить сумму 947 руб. 14 коп., существенно превышающую расходы на предыдущую реставрацию (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. № 3898. Л. 1, 3, 6; № 3980. Л. 3, 15, 32, 82).

В 1947 г. руины «так называемой генуэзской крепости» были осмотрены Е. В. Веймарном. Ориентируясь на план П. И. Кёппена, он установил, что общая конфигурация оборонительных линий, за исключением передней стены цитадели, ещё прослеживается, а их кладка местами сохранилась на высоту до 7—8 метров. Состояние башен им определено следующим образом: Чагал-Куле «сохранилась очень плохо», средняя башня, названная исследователем Орта-Капу (что ошибочно, но, учитывая отсутствие точных данных о крепостных воротах, небезынтересно), сильно разрушена и «подперта современным нам контрфорсом», Ашага-Куле «сохранилась на значительную высоту». Изучение подъёмного материала и осмотр руин фортификационных построек не дали «никаких положительных указаний для того, чтобы крепость считать сооруженной в эпоху раннего средневековья». Как следствие, Е. В. Веймарн пришёл к вполне убедительному выводу: «если на этом месте и была воздвигнута некогда, согласно Прокопию, крепость Алустон, то она настолько была перестроена генуэзцами, что остатки ее целиком поглощены более новой постройкой». Причём, по его мнению, «более ранняя, нежели генуэзская крепость» может быть лишь круглая башня — Ашага-Куле, ибо та «не связана со стеной» (Веймарн 1957: лист 5об., 6).

Неожиданную и несколько сумбурную информацию о фортификационных сооружениях Алусты сообщает О. И. Домбровский, посвятивший южнобережным укреплениям средневекового Крыма специальное исследование. Традиционно соотнося возведение крепости с царствованием императора Юстиниана I, он отмечает, что от той в настоящее время «сохранились одна из четырёх круглых башен и основание прямоугольной башни более позднего времени», но при этом свои выводы ничем не подкрепляет (Домбровский 1974: 8).

Особое место в истории изучения памятника занимают исследования Л. В. Фирсова. Наряду с обширным цитированием малоизвестной тогда работы П. И. Кёппена и новым, с учётом современного (1966 г.) состояния, описанием руин строений, он первым предпринял попытку реконструировать облик фортификационных сооружений крепости, в частности, изобразив предполагаемый вид одной из башен (Ашага-Куле) и примыкающего к ней участка южной оборонительной стены. По его мнению, те завершались зубчатым парапетом с узкими, расширяющи-

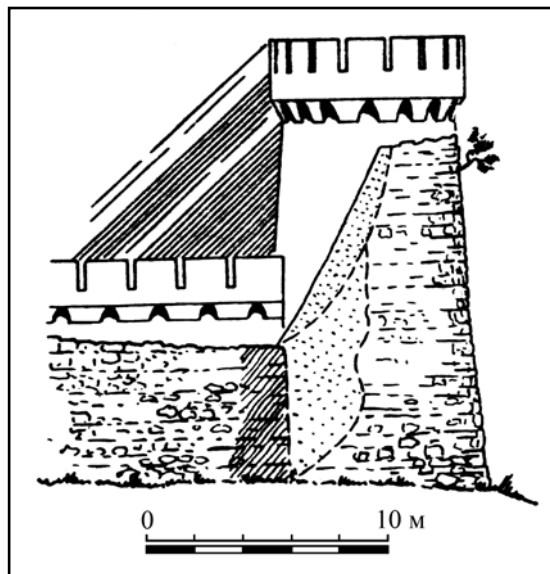

Рис. 10. Круглая башня Алуштинского укрепления. Реконструкция (по Фирсов 1990: рис. 14).

Fig. 10. Round tower of Alushta Fortress. Reconstruction (after Фирсов 1990: рис. 14).

мися вовнутрь бойницами и имели простой или сложный карниз с машикули (рис. 10). Л. В. Фирсов считает, что «генуэзцы укрепили Алусту, используя старую, юстиниановских времен, крепость, значительно переделав ее на свой архитектурный вкус», отмечая при этом то, что «невозможно с достоверностью отличить византийские кладки от кладок генуэзских» (Фирсов 1990: 67—72, рис. 14).

В исследованиях, посвящённых рассмотрению непосредственно архитектурных аспектов памятника и отчасти его исторического контекста, опубликованная информация в большинстве своём априорна и не всегда достоверна. Показателен пример относительно недавнего, последней четверти прошлого века, справочного издания, где обе уцелевшие башни датированы VI в. При этом безосновательно сообщается о повреждении крепости монголо-татарами в 1239 г. и её восстановлении в XIV в. Ошибочно также утверждение о том, что и Орта-Куле, и Ашага-Куле сложены из крупного известняка, тогда как, на самом деле, пока здесь известен только один случай применения данного камня, да и то в виде тщательно обработанных блоков вторичного использования, которыми оформлен внешний угол первой из упомянутых построек. Определённое сомнение вызывают сведения о реставрации памятника в 1883 г. (Артеменко 1985: 273). Вероятнее всего, в тексте допущена обычная опечатка, т. е. речь должна

идти о 1833 г. (ремонтные работы и появление контрфорса Орта-Куле, согласно данным П.И. Кёппена) либо 1863 г. (когда по предписанию губернатора решался вопрос о сохранении башен укрепления). Поскольку отсутствует ссылка на источник, не внушает особого доверия и свидетельство автора о консервации памятника в 1911 г., что также может оказаться ошибкой в написании другой даты — 1901 г., когда действительно было осуществлено значительное усиление обеих башен.

Не менее поверхностными и малоинформативными являются описания крепости в остальных, подобного рода, разновременных публикациях по теме, причём, даже в наиболее известных, академических, изданиях она обычно упоминается лишь вскользь (Когоношвили, Махнева 1971: 7—11; Крикун 1977: 12, рис. 10).

Новый этап в исследованиях памятника начался в 1981 г., когда В.А. Сидоренко впервые предпринял попытку археологического изучения укрепления, однако её результаты до сих пор не введены в научный оборот. В течение одного полевого сезона им был выполнен осмотр уцелевших кладок строений, а на свободных от современной, очень плотной, застройки местах Крепостной горки заложено четыре шурфа, в двух из которых удалось выявить невыразительные руины оборонительных стен цитадели (Сидоренко 1981; 1982: рис. 1).

Более полное представление о скрытых культурным слоем остатках фортификационного ансамбля (рис. 11), равно как реальную периодизацию его сооружений, позволили получить лишь дальнейшие, широкомасштабные, раскопки памятника, осуществлённые в 1984—1995 и 1998 гг. Горно-Крымской экспедицией КФ ИА НАНУ под руководством В.Л. Мыца (Мыц 1985; 1986; 1987; 1988; 1989б; Мыц, Адаксина 1992; Мыц, Адаксина, Кирилко 1993; Мыц и др. 1993а; Мыц, Семин 1995; Тесленко, Семин 1999)². Материалы археологических исследований легли в основу серии публикаций, где, наряду с введением в научный оборот самых важных результатов изучения крепости, частично рассматривается также её строительная история и архитектура.

Согласно библиографическим наблюдениям В.Л. Мыца, в литературе по истории

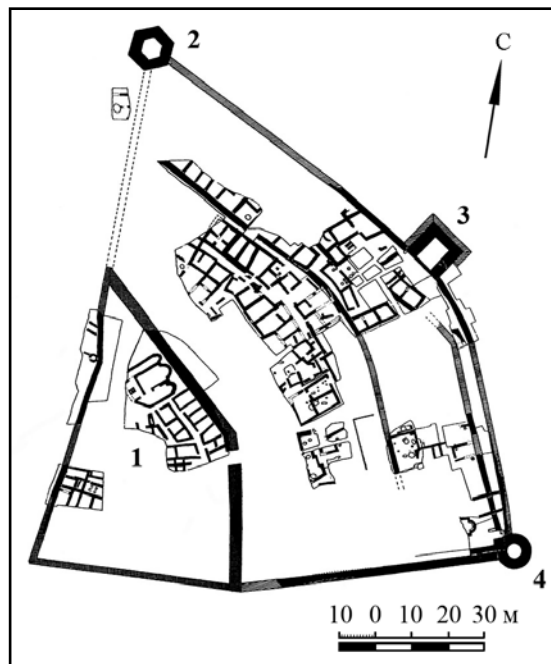

Рис. 11. План крепости Алустон VI—XV вв.: 1 — цитадель; 2 — башня Чатал-Куле («Рогатая»); 3 — башня Орта-Куле («Средняя»); 4 — башня Ашага-Куле («Нижняя») (по Мыц 2009: рис. 172).

Fig. 11. Plan of Aluston Fortress, 6th—15th cc.: 1 — citadel; 2 — Chatal-Kule Tower ('Rogataya' or Horned); 3 — Orta-Kule Tower ('Srednyaya', or Middle); 4 — Ashaga-Kule Tower ('Nizhnyaya', or Lower) (after Мыц 2009: рис. 172).

средневекового Крыма к 60-м годам прошлого века утвердилось мнение, что византийцами в VI в. возведено двухчастное укрепление с цитаделью и внешней линией обороны, которое впоследствии ремонтировалось и перестраивалось до конца XV в. (Мыц 1997: 187—188; 2009: 290). Ситуация им обозначена не вполне корректно, ибо хронологическая дифференциация оборонительных рубежей крепостного ансамбля в подобном виде, касательно первоначального планировочного решения, на самом деле никем из предшественников не предпринималась. Недоумение вызывают и отдельные историографические выводы исследователя. В частности, несколько странной представляется интерпретация В.Л. Мыцом сведений П.С. Палласа о крепости, в соответствии с которой, якобы тот, «осмотрев ее руины, пришел к выводу, что это — гунузская постройка», тогда как данная информация не подтверждается ни одним литературным источником, по крайней мере, из числа обозначенных в ссылке. Более того, согласно его утверждению, подобной точки зрения придерживался также другой исследователь памятника — Е.Е. Кёллер (Мыц

² Сердечно благодарю авторов последних раскопок за любезно предоставленные материалы археологического исследования крепости.

1997: 187), хотя последний не был столь категоричен и, судя по дневниковым записям, такую возможность всего лишь не исключал. Своёобразно он трактует и без того путаную версию О. И. Домбровского, которой придал вид цитаты, немного переформатировав и дополнив её отсутствующей в оригинале датой, и тем самым сместил акценты в исходном умозаключении: «из четырех круглых башен (? — В. М.) VI в. сохранилась только одна» (Мыц 1997: 188).

Археологическими исследованиями выделено пять строительных горизонтов в истории развития средневековой Алушты³, прошедшей путь от небольшого византийского укрепления до малого городского центра — генуэзской торговой фактории с мощной крепостью:

1) ранневизантийский: вторая треть VI — вторая половина — конец VII вв.,

2) хазарский: VIII — первая половина X вв.,

3) византийский: вторая половина X — конец XIII вв.,

4) золотоордынский: конец XIII — 80-е годы XIV вв.,

5) генуэзский: 80-е годы XIV — 70-е годы XV вв. (Мыц 1997: 189).

Каждый из них получил соответствующее отражение в фортификационной структуре и архитектонике оборонительных сооружений города. Раскопки показали, что во второй трети VI в. (между 527—560 гг.) византийцами была возведена небольшая сторожевая крепость с мощными оборонительными стенами,

³ Первоначально автором раскопок в тезисной форме были обозначены несколько иные основные этапы развития средневековой Алушты. Археологические исследования 1984—1988 гг. показали, что культурные напластования содержат шесть основных строительных горизонтов, которым соответствуют шесть планировочных решений городской застройки: 1) VI—VIII вв. (византийская сторожевая крепость), 2) IX—X вв. (хазарский период), 3) XII—XIII вв. (увеличение городской территории за счёт посада), 4) XIV—XV вв. (генуэзский период, время расцвета средневековой Алушты), 5) XVI—XVIII вв. (после 1475 г. город быстро приходит в упадок и превращается в небольшое приморское поселение), 6) конец XVIII—XX вв. Согласно выводам исследователя в большинстве случаев перепланировка и перестройка домов в городских кварталах были вызваны сильными пожарами, а с X по XV вв. город трижды разрушался полностью. Особенно значительной по своим последствиям была катастрофа X в., после которой отдельные участки городской территории не застраивались до XII—XIII вв. Этот длительный перерыв привёл к тому, что планировка домов и улиц XII—XIII и XIV—XV вв. не совпадает с планировкой строений IX—X вв. (Мыц 1989а: 151—152; 1991: 151—152).

ограждавшими вершину холма по всему периметру. В последующие столетия (VIII—XV вв.) ранневизантийские укрепления служили цитаделью города. Стены и башни внешней линии обороны построены генуэзцами не ранее 80-х годов XIV в. (Мыц 1997: 199). Причём, определённое время в научном обороте господствовало априорное мнение, согласно которому те якобы были возведены в 80—90-х годах XIV в. по инициативе и при финансовой поддержке генуэзской администрации и уже к началу XV в. приобрели свой законченный вид (Мыц 1991: 152). Однако, как было установлено дальнейшими археологическими исследованиями, строительная периодизация генуэзского периода существования Лусты в реальности оказалась значительно сложнее, чем это представлялось ранее, и соответствовала не только этапам экономического освоения лигурийцами побережья Готии, но и военно-политической обстановке, складывавшейся в Причерноморье в 20—70-х годах XV в. (Мыц 2002: 140).

Полученные в ходе раскопок новые материалы позволили считать, что до 20-х годов XV в. генуэзцы ограничили свои фортификационные мероприятия в Алуште ремонтом и восстановлением византийских укреплений, возведённых при Юстиниане I (527—565) и частично разрушенных монголами в 70-х годах XIII в. (1278 г.?), которые впоследствии использовались ими как цитадель города (Мыц 2002: 171).

В момент обострения политических отношений с правителем Феодоро Алексеем, начавшим военные действия против Каффы с целью захватить всё побережье Готии от Чембало до Лусты (1422—1423 гг.), в спешном порядке⁴ была построена внешняя линия обороны. Это позволило увеличить защищенную часть города на 0,75 га (в 2,1 раза). Во второй половине 20-х годов (вероятно, не ранее 1425 г.), после катастрофического землетрясения 1423 г. производился ремонт пострадавших от сейсмического воздействия крепостных стен (Мыц 2002: 171—172).

Во второй четверти — середине XV в. полной перестройке подвергся северо-западный участок оборонительной стены цитадели, возведённой ещё при Юстиниане I. Причиной

⁴ Согласно информации, которая введена в научный оборот, фортификационные объекты «сооружались в спешке, без какой-либо инженерной подготовки рельефа склона, и не имеют фундаментов. К тому же южная стена оказалась сложенной на грязевом растворе» (Мыц 2009: 76).

Рис. 12. Реконструкция укрепления в Алуште (Lusta). Вид с северо-востока (по Бочаров 2004: рис. 6).

Fig. 12. Reconstruction of the fortress in Alushta (Lusta). View from the north-east (after Бочаров 2004: рис. 6).

разрушения первоначального сооружения также могло быть землетрясение 1423 г. (Мыц 2009: 85).

Последний строительный период крепости относится уже к 60-м годам XV в. В это время был полностью перестроен внешний контур обороны, который немного выдвинулся в напольную сторону. Возведению куртин и башен предшествовала тщательная инженерная подготовка в виде вертикальной и горизонтальной планировки склона Крепостной горки. Новые фортификационные сооружения отличались высоким качеством выполнения строительных работ и соответствовали требованиям защиты от огнестрельной артиллерии (Мыц 2002: 172). Во время перестройки внешнего периметра обороны генуэзской Лусты, крепостная стена начала 20-х годов XV в. была частично разобрана (Мыц 2009: 76).

По мнению В.Л. Мыца, согласно результатам изучения башни Орта-Куле можно предположить, что в 60-х годах XV в. (не ранее 1462/63 гг.) генуэзцы завершали крепостное строительство Лусты. К этому времени город был обнесён внешней (второй) оборонительной стеной с тремя башнями (Мыц 2002: 175).

На основании тех же данных, принимая во внимание характерные региональные особенности военной архитектуры Таврики, к совершенно иным выводам пришёл С.Г. Бочаров. Он, напротив, допускает, что с переходом генуэзских владений в Крыму под управление банка Св. Георгия в конце 50-х годов XV в. контроль над Лустой, а возможно, и её округой, был передан феодоритам. Как следствие, строительный период крепости, относящийся к 60-м годам XV в., связан не с деятельностью коммуны Каффы, а с фортификационны-

ми мероприятиями династов Феодоро на восточных границах княжества. Исходя из этого предположения, С.Г. Бочаров сделал заключение, согласно которому единственным генуэзским крепостным объектом в первой половине XV в. была цитадель Лусты, что, по его мнению, позволяет понять, почему консул Алушты в 1449 г., имея в своём распоряжении самую мощную крепость и, следовательно, самый населённый пункт побережья, согласно Уставу платил налогов в два раза меньше, чем консулы Партенита и Гурзуфа (Бочаров 2004: 187).

Первым из исследователей С.Г. Бочаров предлагает объёмную, относительно убедительную, реконструкцию внешнего вида крепостного ансамбля в XV в. (Бочаров 2004: 187, рис. 5; 6). Основным недостатком принятой им попытки визуализации объекта (рис. 12) является излишняя идеализация фортификационной структуры укрепления, а также сильное уплощение рельефа ограждённой территории и подступов к ней. Допущены неточности в деталях. В частности, талус Орта-Куле ошибочно охватывает с напольной стороны весь внешний контур здания, что противоречит материалам раскопок. Спорными являются машикули, которыми автор наделяет завершения всех трёх башен. Вход в цитадель изображен в виде обычного арочного проёма у излома передней стены без какого-либо флангового прикрытия, что представляется маловероятным. Поскольку точное местоположение главных крепостных ворот до сих пор не известно, на реконструкции они не обозначены, хотя, судя по косвенным признакам, однозначно должны были находиться с северо-восточной, напольной, стороны, изображённой на одном из видов укрепления.

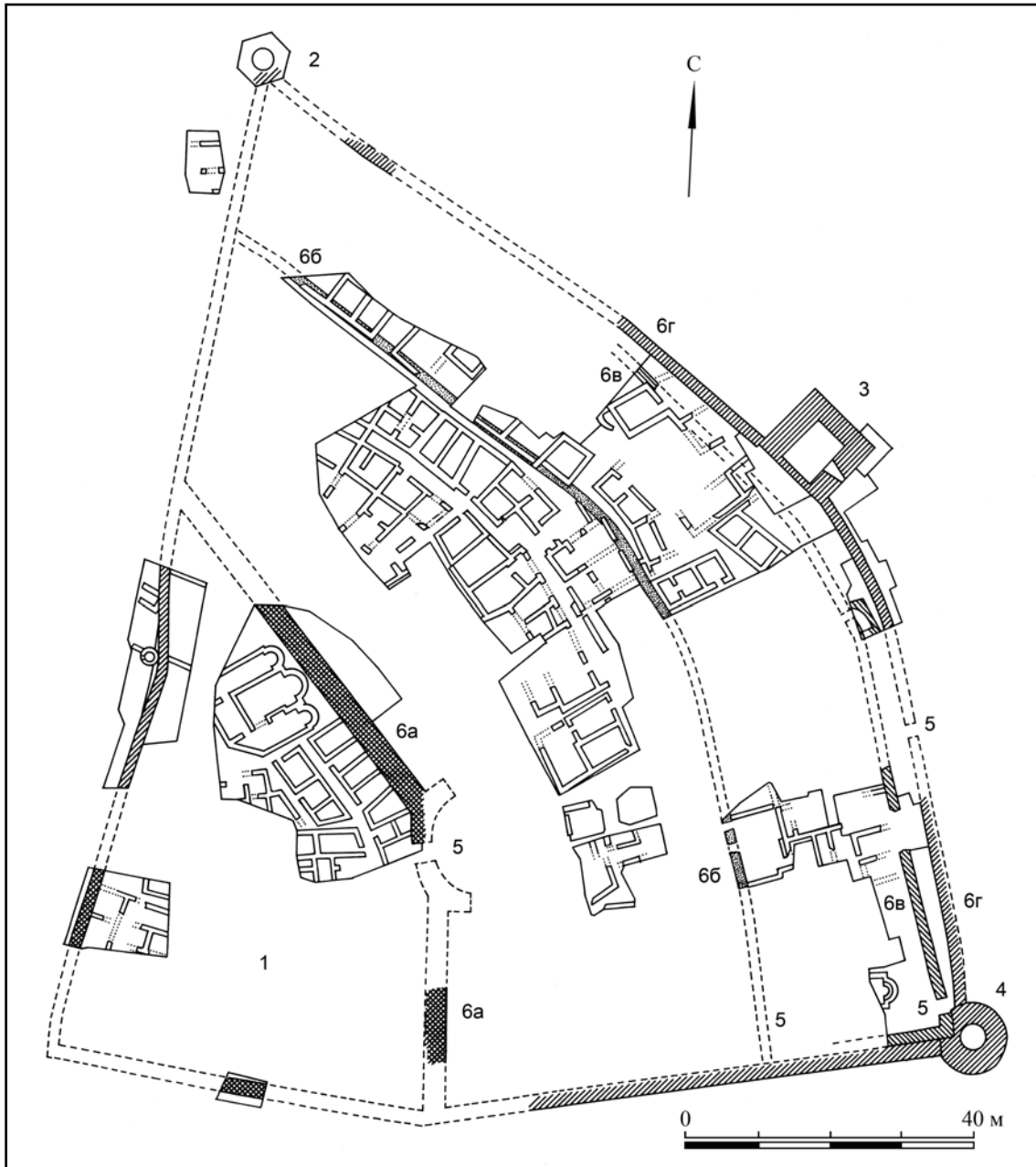

Рис. 13. План крепости Алустон VI—XV вв.: 1 — цитадель; 2 — башня Чатал-Куле; 3 — башня Орта-Куле; 4 — башня Ашага-Куле; 5 — вход на территорию укрепления; 6 — оборонительные стены: а — VI—VII вв.; б — IX—X вв.; в — 20-х годов XV в.; г — 60-х годов XV в. Чертеж автора.

Fig. 13. Plan of Aluston Fortress, 6th—15th cc.: 1 — citadel; 2 — Chatal-Kule Tower; 3 — Orta-Kule Tower; 4 — Ashaga-Kule Tower; 5 — entrance to the territory of the fortress; 6 — defensive walls: a — 6th — 7th cc.; б — 9th — 10th cc.; в — 20s of 15th c.; г — 60s of 15th c. Drawing by the author.

Наряду с предварительным представлением общих результатов исследования по планировочной и фортификационной структуре крепостного ансамбля средневековой Алушты (Мыц 1989а; 1991: 151—152; 1997; Адаксина 1993; Адаксина и др. 1994: 10—15; Мыц и др. 1997: 205—210), не меньшую ценность имеет введение автором раскопок в научный оборот основных сведений о техноло-

гических, конструктивных и архитектурных особенностях отдельных зданий укрепления, по сути, относительно детального описания строительных остатков двух башен — Орта-Куле и Ашага-Куле (Мыц 2002: 142—161, 165—171), почти дословно почерпнутого из отчётов об археологическом изучении крепости (Мыц, Адаксина, Кирилко 1993; Мыц и др. 1993а).

На данном этапе исследований о внешнем виде крепостного ансамбля средневековой Алушты можно судить лишь предположительно, основываясь главным образом на частично сохранившихся формах отдельных объектов и относительно близких аналогиях.

Тем не менее, несмотря на это, развитие фортификационной структуры в каждом из строительных периодов, выделенных археологическими раскопками, прослеживается достаточно определённо и получило свое воплощение в конкретных сооружениях.

Глава 2. Ранневизантийский Алустон: вторая треть VI — конец VII вв.

Первоначальное укрепление занимало вершину возвышенности и имело четырёхугольный в плане крепостной полигон неправильной формы (рис. 13). Конфигурация и мощность оборонительного контура во многом обусловлены рельефом: довольно крутыми склонами с южной и западной сторон, более пологим и самым доступным северо-восточным участком, относительно затруднёнными подходами с востока. Площадь защищённой стенами территории составляла 0,25 га. Общая протяжённость крепостной ограды — 230 м. Выделяются три основных оборонительных линии разной длины, полностью охватывавших весь периметр укрепления. Достоверных данных о башнях нет. Вход на укреплённую территорию мог быть расположен в центральной части северо-восточного оборонительного рубежа, на изломе крепостной стены, где раскопками частично выявлены остатки какого-то, достаточно широкого, проёма (Мыц 1997: табл. 1: 3). Данное предположение косвенно подтверждается возникновением позднее здесь, в расположенной перед ним городской застройке, чётко выраженного проезда между отдельными усадьбами.

Наиболее показательные фортификационные сооружения первого строительного периода крепости представлены остатками оборонительной стены, ограждавшей вершину возвышенности с напольной стороны, которые изучены раскопками на участке протяжённостью 36 м (рис. 13; 14).

Кладка трёхслойная двухлицевая. Фасадная часть северо-восточной куртины спереди сложена из относительно крупного камня в два-три яруса чётко выдержанными рядами. Высота сохранившихся делянок: нижней — 0,60 м, верхней — 1,00 м (рис. 15; 16). С тыльной стороны и в заполнении внутреннего пространства конструкции применялся более мелкий бут (рис. 17—19). Весь кладочный материал исключительно местного происхождения, преобладают изверженные породы габбродиорит и диабаз. Предпочтение отдавалось скальным обломкам и булыгам

относительно правильной формы, имевшим, по меньшей мере, две ровные поверхности, одну из которых выводили наружу как лицевую, вторую использовали в качестве ложка. Пригонка плотная, зазоры заполнены мелким камнем. При возведении стены строительный камень предварительно подвергался сортировке и, возможно, дополнительной околке.

Кладка велась на известковом растворе с добавлением морского песка крупной фракции, а местами и толчёной керамики. При

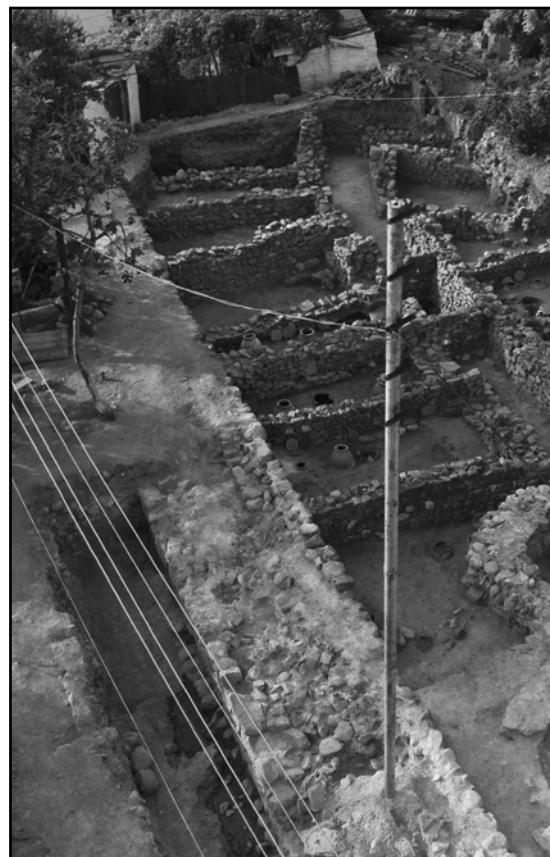

Рис. 14. Ранневизантийская оборонительная стена напольной стороны цитадели. Вид с севера, сверху (по Мыц 1988: рис. 18).

Fig. 14. Early Byzantine defensive wall of the citadel at the field side. Top view from the north (after Мыц 1988: рис. 18).

Рис. 15. Кладка переднего фасада ранневизантийской оборонительной стены напольной стороны цитадели. Вид с юго-востока (по Мыц 1988: рис. 47).

Fig. 15. Masonry of the front façade of the early Byzantine defensive wall of the citadel at the field side. View from the south-east (after Мыц 1988: рис. 47).

Рис. 16. Кладка переднего фасада ранневизантийской оборонительной стены напольной стороны цитадели. Вид с северо-востока. 1987 г. Фото В.Л. Мыца.

Fig. 16. Masonry of the front façade of the early Byzantine defensive wall of the citadel at the field side. View from the north-east. 1987 Photo by V.L. Myts.

Рис. 17. Ранневизантийская оборонительная стена напольной стороны цитадели. Вид с юго-запада, сзади (по Мыц 1988: рис. 22).

Fig. 17. Early Byzantine defensive wall at the field side of the citadel. Rear view from the south-west (after Мыц 1988: рис. 22).

Рис. 18. Кладка тыльного фасада ранневизантийской оборонительной стены напольной стороны цитадели. Вид с юго-запада (по Мыц 1988: рис. 49).

Fig. 18. Masonry of the rear façade of the early Byzantine defensive wall at the field side of the citadel. View from the south-west (after Мыц 1988: рис. 49).

раскопках в слое разрушения стены обнаружено несколько фрагментов от крупных раннесредневековых плоских кирпичей, которые использовались в кладке и дают основание предполагать, что она могла быть выполнена в технике *opus mixtum* (Мыц 1997: 190). Толщина сооружения: наземной части куртины — 2,80 м, фундамента — 3,00—3,30 м. Субструкция выступала наружу, в напольную сторону, на расстояние 0,20—0,50 м от плоскости стены. Глубина и особенности её заложения не установлены.

Аналогичный характер кладки, соотносимый с ранней фортификацией, имеет также небольшой фрагмент крепостной стены, который сохранился под более поздними строительными наслоениями у южного края восточной куртины (рис. 13) и не раскапывался.

Археологическими исследованиями удалось выявить ещё два, сильно разрушенных, участка ограды цитадели — с западной и южной сторон крепостного полигона (рис. 13), но их принадлежность первоначальному укреплению достоверно не установлена.

Один из них, тыльный, изучен в пределах раскопа на протяжении 6 м (рис. 20). Толщина стены составляла не менее 2,60—2,70 м. Основанием служат мощные выходы материковых скальных пород с залеганием пластов глинистых сланцев под углом около 35° с наклоном в восточном направлении (рис. 21). Кладка трёхслойная двухлицевая. Фасадные части стены сложены несколько небрежно из обломков и булыг разной величины. Забутовка плотная, пустоты между камнями посредством заливки почти повсеместно,

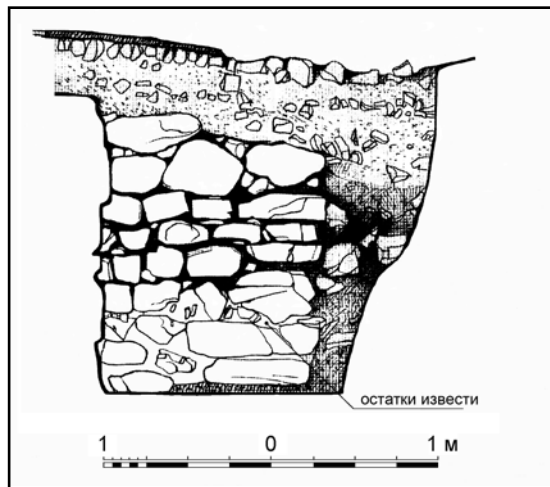

Рис. 19. Северный край проёма в ранневизантийской оборонительной стене напольной стороны цитадели. Вид с запада, сзади (по Мыц 1989б: лист 25).

Fig. 19. Northern end of the opening in the early Byzantine defensive wall at the field side of the citadel. Rear view from the west (after Мыц 1989б: лист 25).

за исключением отдельных рыхлых, с кавернами, участков над скалой, полностью заполнены густым известковым раствором белого цвета с заполнителем в виде крупного галечного песка и редкими включениями розовых песчинок. Своеобразие конструкции одного из участков внутренней стороны стены придаёт применение выставленных на ребро плитообразных булыг (рис. 22), которое условно может трактоваться как предельно упрощённый вариант классической кордонной кладки. При возведении стены предварительному выравниванию подверглись рыхлые участки основания, местами наблюдаются следы от скалывания выступавших кромок скальной поверхности.

Ещё один фрагмент фортификационного строения, который с определёнными оговорками соотносим с первоначальными оборонительными рубежами, — западного участка ограды цитадели в сильно повреждённом виде обнаружен раскопками В. А. Сидоренко (рис. 23), а затем, спустя несколько лет, повторно исследовался В. Л. Мыцом (рис. 24). В настоящее время он недоступен для осмотра, поэтому основным источником для его изучения являются материалы археологических отчётов (Сидоренко 1982: 9—11; Мыц 1986: 16—25). В иллюстрациях к первой итоговой публикации о раннем этапе строительства крепости Алустана руины кладок, равно как и остатки тыльной куртины, однозначно, без каких-либо комментариев, причислены к оборонительным стенам VI в. (Мыц 1997: табл. 1: а),

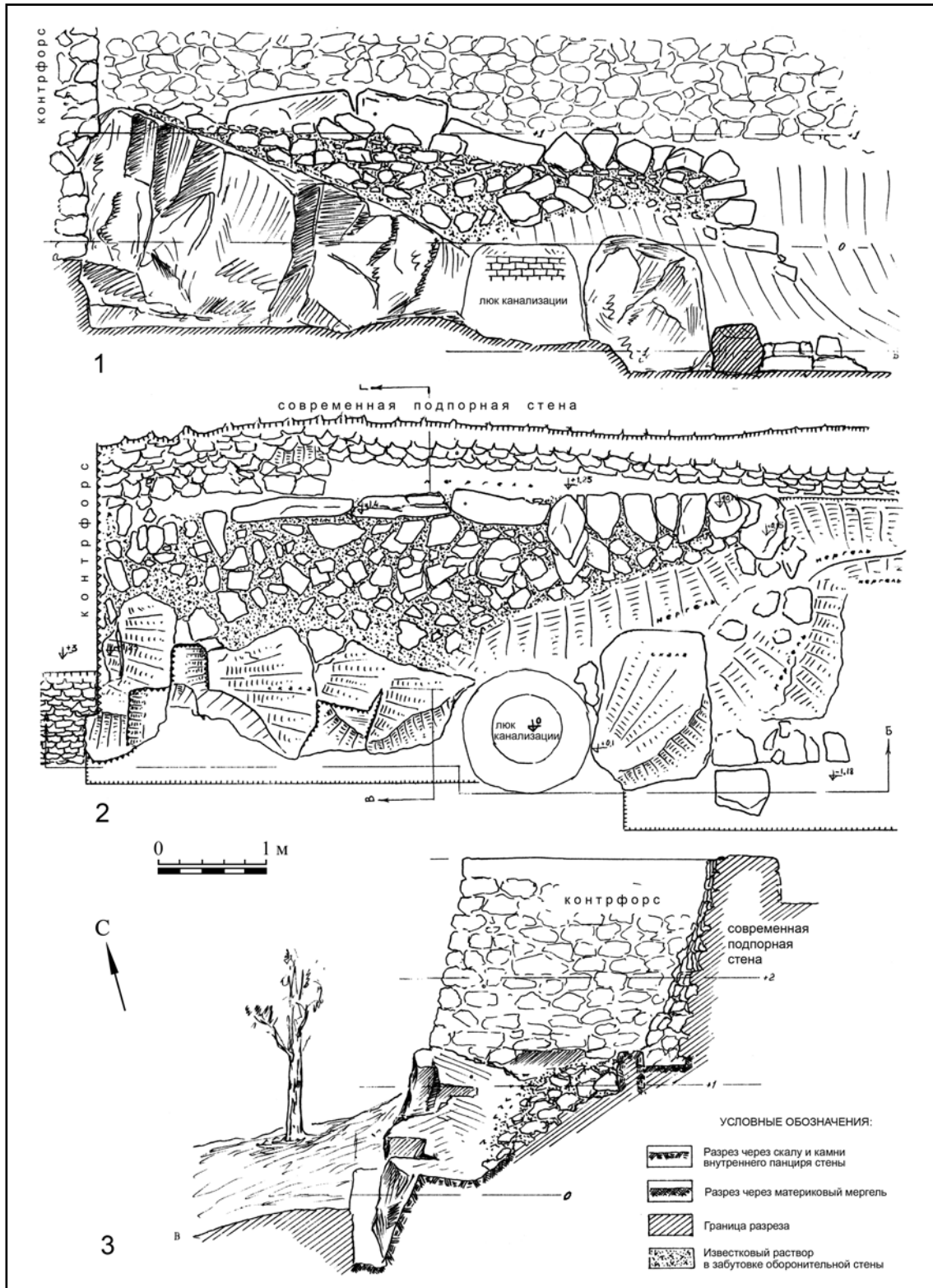

Рис. 20. Тыльный участок оборонительной стены цитадели: 1 — вид с юга; 2 — план; 3 — поперечный разрез (по Сидоренко 1982: рис. 8—10).

Fig. 20. Rear part of the defensive wall of the citadel: 1 — view from the south; 3 — cross section (after Сидоренко 1982: рис. 8—10).

хотя при этом, непосредственно по результатам раскопок, их возведение отнесено ко времени не ранее XIV в. (Мыц 1986: 17).

В ходе археологического изучения данного объекта удалось проследить отдельные, небезытересные, конструктивные и техноло-

Рис. 21. Тылный участок оборонительной стены цитадели. Вид с юго-востока (по Сидоренко 1982: рис. 12).

Fig. 21. Rear part of the defensive wall of the citadel. View from the south-east (after Сидоренко 1982: рис. 12).

гические особенности кладки ограды цитадели (Мьц 1986: 17—18). Возведению оборонительной стены предшествовала тщательная вертикальная планировка контура крепостной площадки, уклон которой в этом месте колеблется в пределах 30—35° (рис. 24: 2). Вдоль кромки относительно пологой части вершины делювиальные отложения материка сначала были выровнены, затем в них выкопана траншея под фундамент куртины. Поскольку перепад уровней строительного горизонта у передней и задней сторон сооружения составляет около 1,50 м, дно выемки было уступчатым и имело, по меньшей мере, два ложа по краям, которые позволяли придать кладке возведённой на склоне стены определённую устойчивость. Глубина верхней, тыльной, подрубки равна 0,40—0,45 м, что, по сути, соответствует предельной мощности субструкции (рис. 24: 2). При этом фасадная часть ограды фундамента как такового не имела. Она находилась ниже и была поставлена непосредственно на выровненную поверхность материка. Само основание перед стеной также подверглось небольшой корректировке, в результате которой практически заподлицо с кладкой образовалось своего рода подножие высотой 0,90 м, ограничившее со стороны склона опорную зону

конструкции. Ширина выемки под крепостную ограду равна 2,50 м.

Кладка стены трёхслойная двухлицевая. Её тыльная сторона от края фундаментной траншеи расположена на расстоянии 0,10—0,25 м (рис. 24). Сама субструкция за плоскость наземной части сооружения выступала незначительно, всего на 0,10—0,15 м. Образовавшийся зазор выемки заполнен грунтом и разномерным бутом. Уровень строительного горизонта отмечен натёком известкового раствора со стены, на отметке верха фундамента, перекрывшего выровненную поверхность делювиальных отложений материка. На исследованном участке от внешнего, фасадного, слоя кладки *in situ* сохранился только один камень, который, с учётом явно выраженного края подножия, позволяет достоверно определить мощность конструкции. Толщина стены составляла 2,25—2,30 м.

Лицевой слой тыльной стороны стены сложен хорошо пригнанными небольшими скальными обломками и булыгами с ровными сколами, позволившими придать кладке достаточно чёткие формы — плоскую поверхность и прямолинейное начертание (рис. 24). Внутреннее пространство конструкции заполнено разномерным бутом. Применялся известковый раствор серого цвета, насыщенный

Рис. 22. Тылный участок оборонительной стены цитадели. Фрагмент лицевого слоя кладки. Вид с юго-востока, сверху (по Сидоренко 1982: рис. 16).

Fig. 22. Rear part of the defensive wall of the citadel. Fragment of the front layer of the masonry. Top view from the south-east (after Сидоренко 1982: рис. 16).

крупным морским песком, по свойствам — рыхлый и непрочный.

Достаточно любопытными представляются конструктивная и технологическая особенности данного сооружения, отмеченные в отчётных материалах последних раскопок: «При возведении стены использован следующий приём кладки. Первоначально возводились два панциря. Затем между ними набрасывался довольно густой раствор, в который укладывались мелкие бутовые камни забутовки. Сверху их опять забрасывали раствором, масса которого из-за большой густоты и плотности не растекалась и не заполняла все пространство между камнями панцирной кладки и забутовкой. Поэтому в стене образовалось множество пустот. Прочность всей конструкции обеспечивали массивные панцири с тщательно оштукатуренными поверхностями (имеется в виду затирка швов кладочным раствором — В. К.), что предотвращало попадание влаги вовнутрь стен и их разрушение» (Мыц 1986: 18).

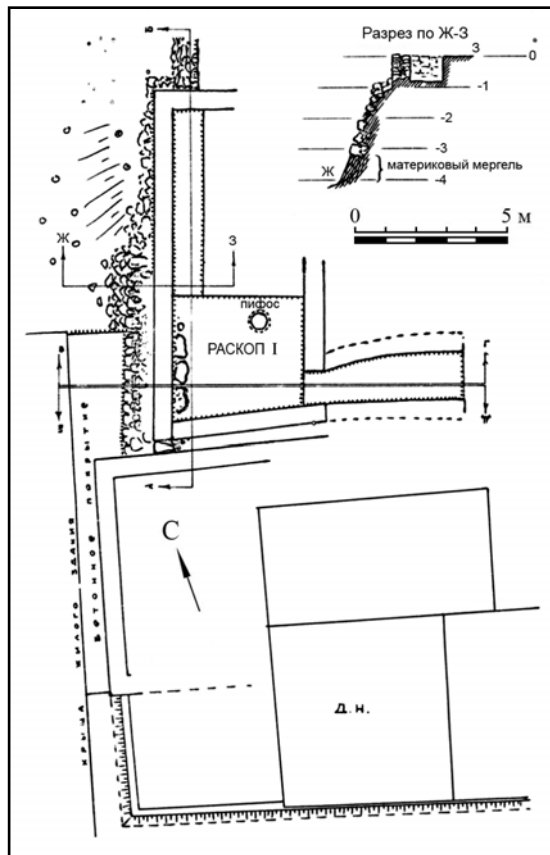

Рис. 23. Южный участок западной куртины цитадели. План и разрез крепостной стены (по Сидоренко 1982: рис. 4, 5).

Fig. 23. Southern part of the western curtain of the citadel. Plan and section of the fortress wall (after Сидоренко 1982: рис. 4, 5).

Данный фрагмент ограды цитадели археологически исследован на участке протяжённостью 11,50 м. Поскольку никаких следов иной, предшествовавшей ему, крепостной стены здесь не выявлено, вероятность того, что обнаруженное раскопками сооружение относится всё-таки к раннему средневековью, представляется достаточно высокой. Причём, хотя его *terminus post quem* по аналогии с северной частью куртины, где в забутовке кладки оказался фрагмент относительно поздней красноглиняной поливной чаши, ограничен временем не ранее XIV в. (Мыц 1986: 17, 18), определяющим, видимо, необходимо считать другой артефакт, найденный неподалёку на материке, на уровне строительного горизонта, — скопление обломков стенок белоглиняных амфор с характерными валиками в виде набегающей волны, которые имеют западнопонтское происхождение и обычно датируются концом VI—VII вв., что вполне согласуется с сообщением Прокопия Кесарийского о строительстве Юстинианом I (527—565) крепо-

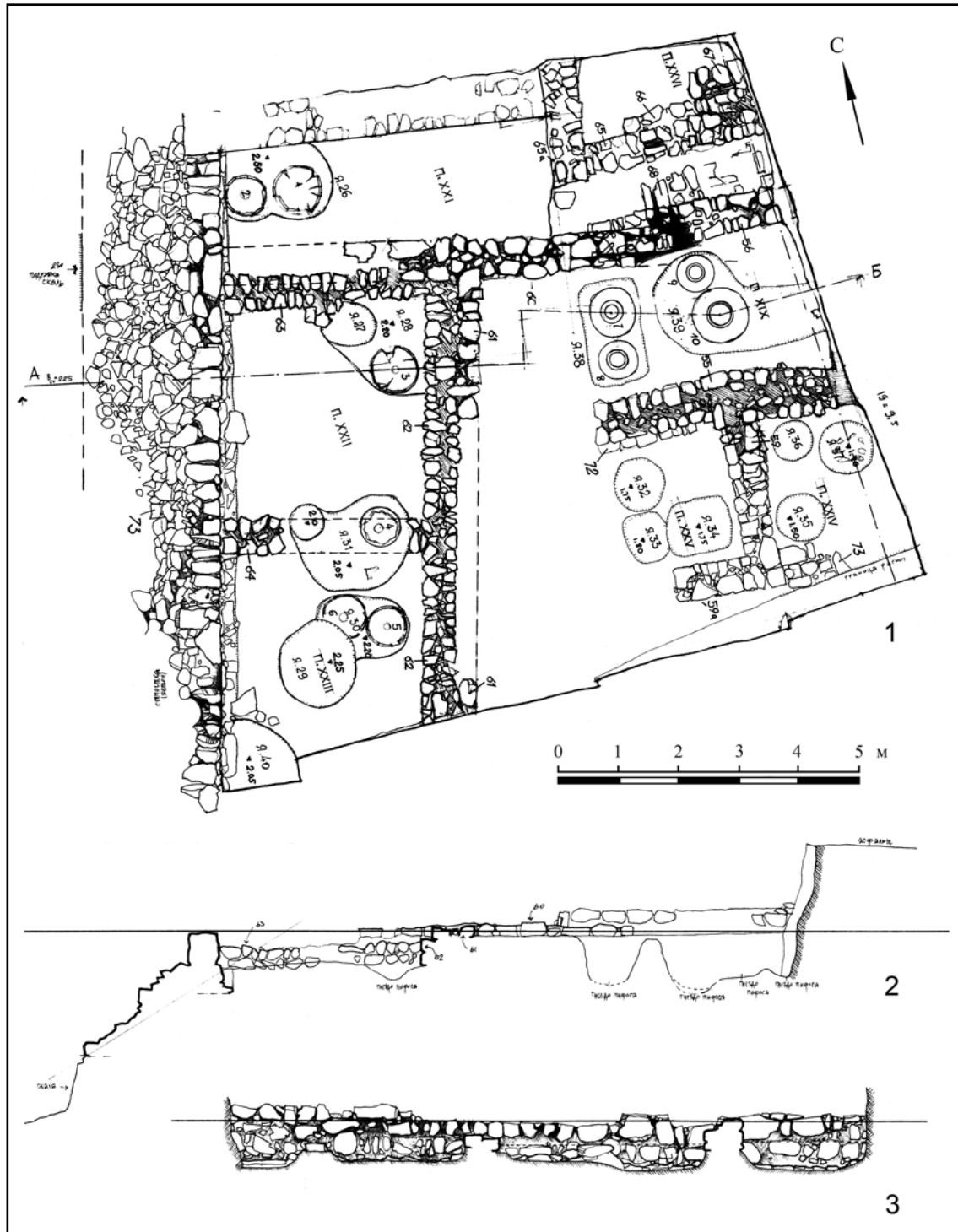

Рис. 24. Южный участок западной куртины цитадели: 1 — план; 2 — поперечный разрез оборонительной стены и примыкающей к ней застройки; 3 — кладка тыльной стороны куртины, вид с востока (по Мыц 1986: рис. 2, 3).

Fig. 24. Southern part of the western curtain of the citadel: 1 — plan; 2 — cross section of the defensive wall and adjacent buildings; 3 — masonry of the rear part of the curtain, view from the east (after Мыц 1986: рис. 2, 3).

сти Алустон (Мыц 1986: 23, 24). Более того, подобная подготовка основания была применена также на тыльном участке оборонительной стены цитадели (рис. 20, 21), что, учитывая явные конструктивные и технологические

параллели, позволяет отнести к одному строительному периоду обе куртины.

Что касается упомянутого, северного, фрагмента западной крепостной стены цитадели протяжённостью 29 м (рис. 13; 25: 1; 26),

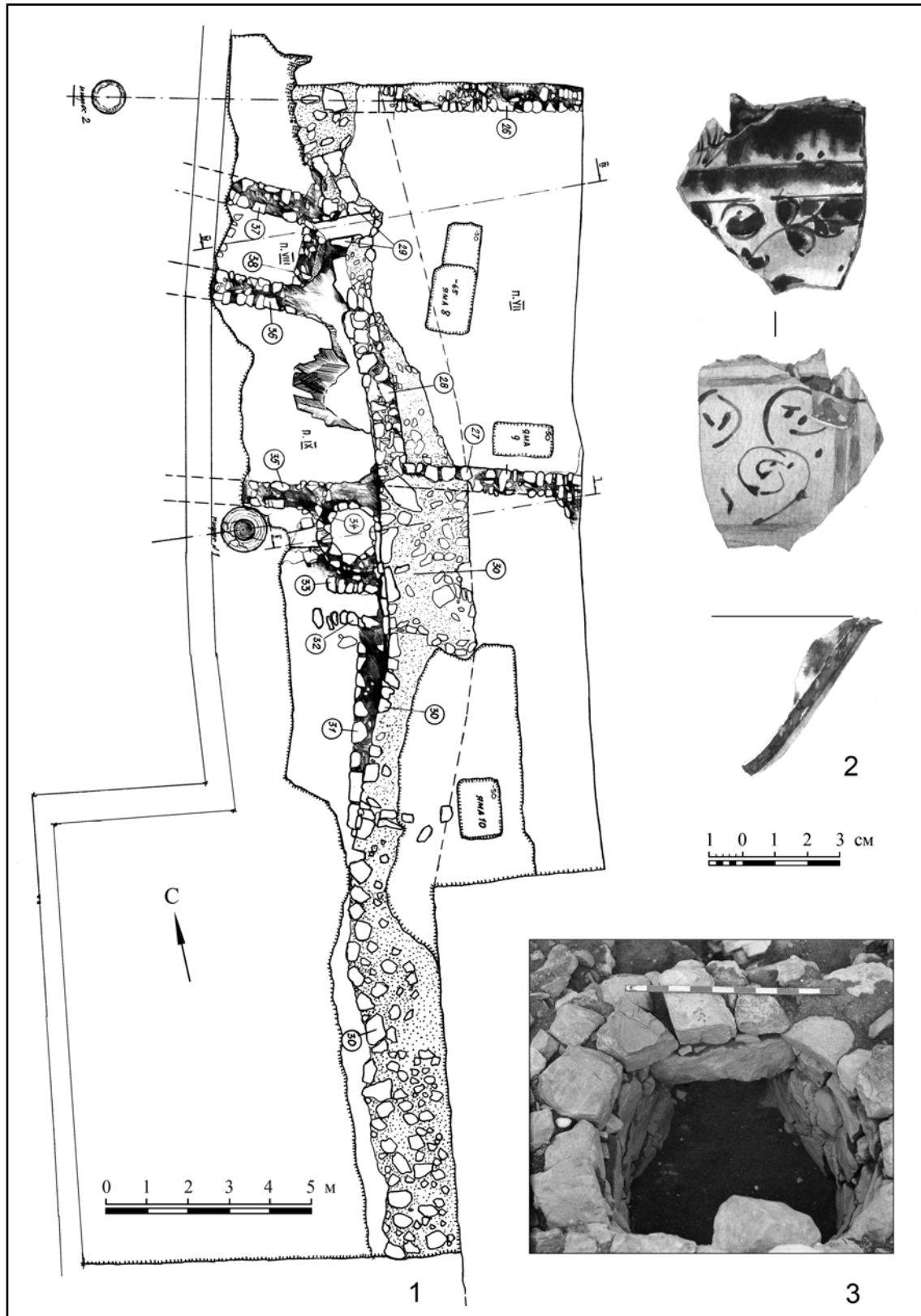

Рис. 25. Северный участок западной куртины цитадели: 1 — план; 2 — фрагмент красноглиняной поливной чаши XV в. из кладки оборонительной стены; 3 — выгребная яма, вид с востока, сверху (по Мыц 1985: рис. 79, 98, 101).

Fig. 25. Northern part of the western curtain of the citadel: 1 — plan; 2 — fragment of a red clay glazed bowl of 15th c. found in the masonry of the defensive wall; 3 — household pit, top view from the east (after Мыц 1985: рис. 79, 98, 101).

Рис. 26. Северный участок западной куртины цитадели. Вид с юга (по Мыц 1985: рис. 92).

Fig. 26. Northern part of the western curtain of the citadel. View from the south (after Мыц 1985: рис. 92).

при расчистке кладки которого был обнаружен небольшой обломок красноглиняной поливной чаши с двусторонней росписью синей и зелёной красками по ангобу (рис. 25: 2) (Мыц 1985: 21, рис. 101, к. о. № 518), то он однозначно появился позднее, во время капитального ремонта XV в.⁵ При этом в качестве основания обновленного сооружения вполне могли быть использованы остатки первоначальной ограды, предположительно, уцелевшие на отдельных местах (рис. 27). Перекрывшая их куртина имела криволинейную в плане конфигурацию и характерные конструктивные особенности, отмеченные автором раскопок как приём, обычно применяемый при возведении оборонительных стен: «Первоначально выкладывались панцири стены. Пространство между ними заполнялось мелким бутом (иногда укладывались камни относительно больших размеров), а затем все пространство между панцирями заливалось жидким раствором» (Мыц 1985: 21).

С внешней стороны к крепостной ограде примыкает капитальная выгребная яма цилиндрической формы, с которой, по мнению автора раскопок, была синхронной, поскольку также сложена из бута на песчано-известковом растворе (рис. 25: 3). Внутренний диаметр сооружения — 1,15—1,20 м. Толщина стенок — 0,40—0,50 м. Для удаления нечистот в кладке на уровне дна спереди сделан специальный канал, который, видимо, закрывался каменной плитой. Размеры проёма — 0,60×0,50 м (Мыц 1985: 21). На мой взгляд, данное сооружение предшествовало известной сейчас кур-

⁵ Фрагмент принадлежал изделию, соотносимому с сосудами группы «Miletus wears», которые в Крыму появляются не ранее второй четверти XV в., а вероятнее всего, после 1453 г. (Тесленко 2005б: 393).

Рис. 27. Северный участок западной куртины цитадели. Фрагмент лицевого слоя кладки. Вид с севера (по Мыц 1985: рис. 87).

Fig. 27. Northern part of the western curtain of the citadel. Fragment of the front layer of the masonry. View from the north (after Мыц 1985: рис. 87).

тине, обусловив тем самым при возведении её странное искривление именно в этом месте.

По мнению В.Л. Мыца, выявленная раскопками первоначальная оборонительная стена Алустона вполне соответствовала канонам фортификации того времени. Руководствуясь требованиями анонимной византийской «Тактики» VI в., согласно которой средняя толщина крепостной ограды должна была составлять 5 локтей (около 2,3 м), а высота — 20 локтей (9,5 м), он считает, что размеры куртины восточного участка обороны равнялись, соответственно, 6 локтям (2,8 м) и 22 локтям (10,5 м). Западная часть ограды, будучи более тонкой (2,07 м = 4,5 локтя)⁶, могла быть немного ниже, достигая 8,5 м (18 локтей). Разница величин им объясняется тем, что последняя находилась на краю более крутого и труднодоступного склона (Мыц 1997: 190). Использование в кладке фасадных поверхностей оборонительных стен обычного бутового камня, а не характерных для классической ранневизантийской архитектуры тщательно обработанных квадров, равно как отсутствие в известковом растворе керамической крошки, вероятнее всего, обуславливалось местными ресурсами, что подтверждается ближайшей аналогией — фортификационными сооружениями синхронной крепости в Горзувитах (Домбровский 1974: 9—13, рис. 4—6; Мыц 1997: 189).

⁶ Непонятно, откуда взялся этот размер, ибо при обмерах западной стены цитадели во время раскопок было точно установлено, что толщина кладки составляла 2,25—2,30 м (Мыц 1986: 17, рис. 2), которые вполне соотносимы с 5 локтями, рекомендуемыми византийскими фортификаторами.

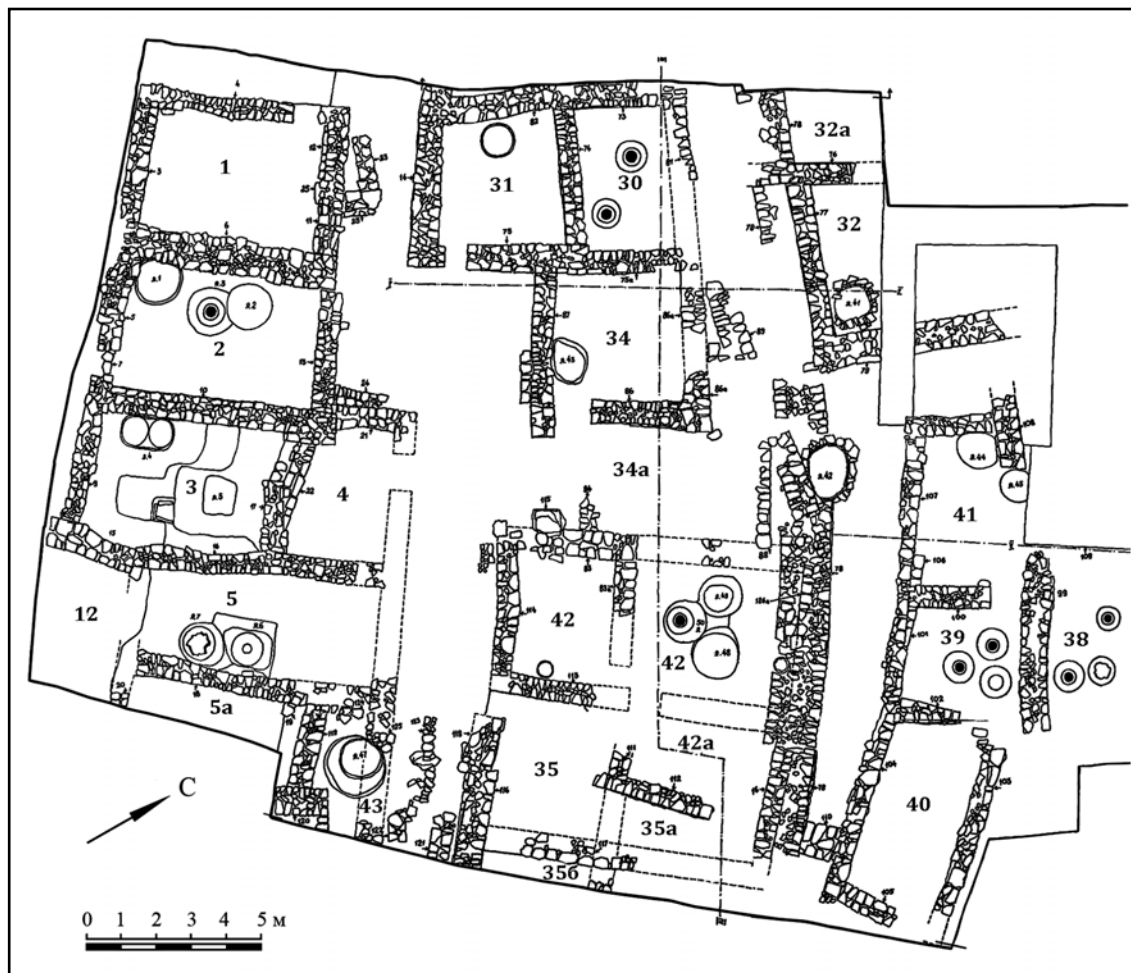

Рис. 29. Средний участок оборонительной стены IX—X вв., перекрытый руинами более поздних построек. План (по Мыц 1987: рис. 2).

Fig. 29. Middle part of the defensive wall of 9th — 10th cc., overlaid by the ruins of later buildings. Plan (after Мыц 1987: рис. 2).

Безусловный интерес представляет конфигурация передней стены цитадели на изломе оборонительной линии, у частично выявленного раскопками проёма (рис. 13; 14; 19). Её чётко выраженная, локальная, округлость даёт основание предполагать два основных варианта реконструкции этого участка укрепления. Первый из них допускает возможность размещения здесь большой круглой башни, но этому противоречит слишком широкий (просвет — не менее 1,50 м) вход в здание. Второй вариант, будучи более приемлемым, предусматривает устройство главных крепостных ворот внутри полукруглой экседры, которая, в свою очередь, дополнительно могла быть защищена с боков, по краям, одинаковыми пилонами или башнями. Аналогии сооружений с подобной архитектурикой известны

в позднеантичной римской фортификации (Salch 1978: 441—442; Băjenaru 2010: pl. 4: 9; 19: 82).

Внутрикрепостное пространство исследовано слабо. На данном этапе изучения памятника уверенно можно судить лишь об одной постройке синхронной цитадели. Она состояла из двух смежных помещений, находилась у самого входа в укрепление и, возможно, была казармой либо кордегардией. Размеры здания — 13,20×3,50—3,75 м (Мыц 1997: 191, табл. 1: 3, рис. 2).

Относительно слабую эффективность фортификационной структуры ранневизантийской крепости Алустон, обусловленную отсутствием специальных сооружений, прежде всего, башен для защиты флангов, в определённой мере могло компенсировать появление дополнительных искусственных пре-

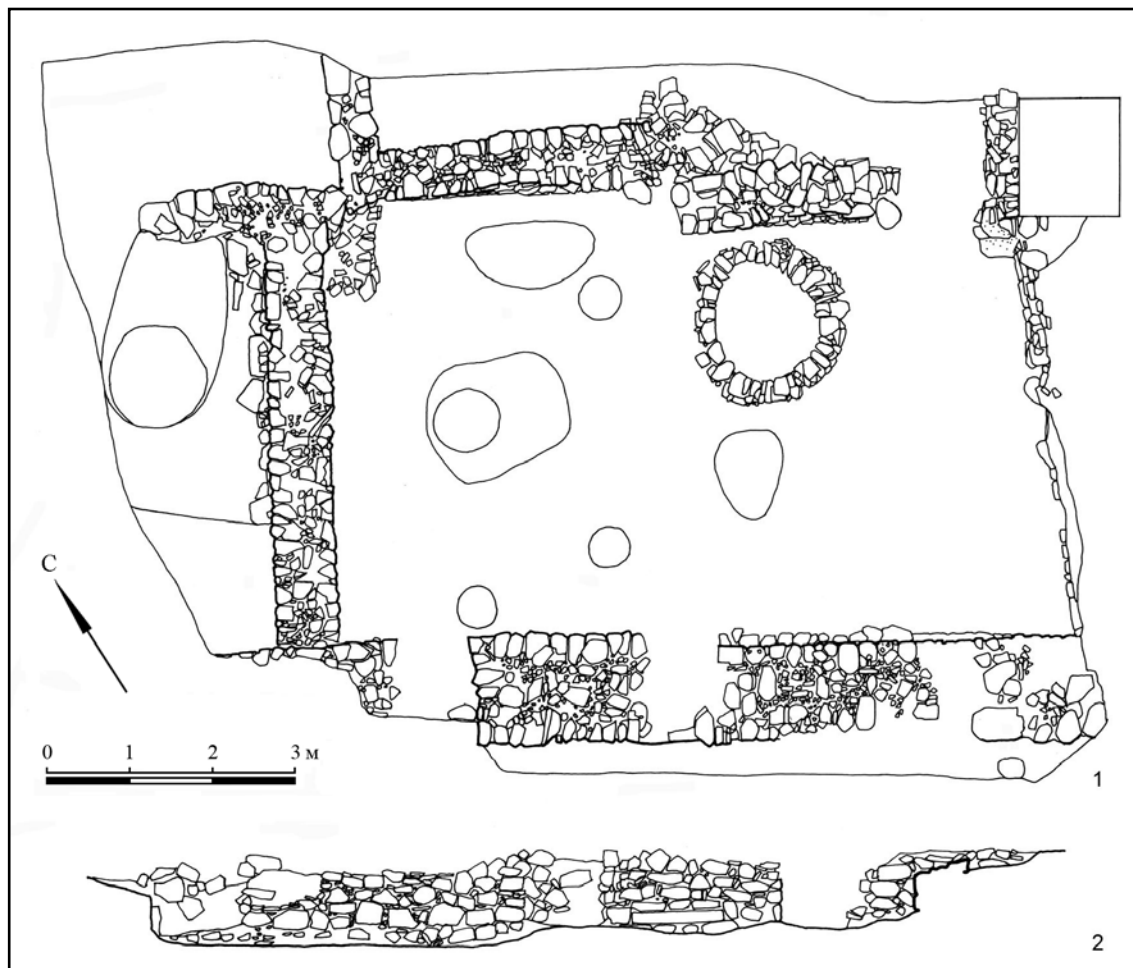

Рис. 30. Фрагмент южного участка оборонительной стены IX—X вв.: 1 — план; 2 — передний фасад куртины, вид с северо-востока (по Мыц, Адаксина 1992: рис. 36; 41).

Fig. 30. Fragment of the southern part of the defensive wall of 9th — 10th cc.: 1 — plan; 2 — front façade of the curtain, view from the north-east (after Мыц, Адаксина 1992: рис. 36; 41).

град на ближних подступах к ограде. Логично предположить существование рва у крепостной стены с напольной стороны.

Согласно данным археологического изучения памятника, около середины или во второй половине — конце VII в. Алустон был оставлен византийским гарнизоном, предваритель-

но разрушившим внутрикрепостные постройки и забравшим с собой всё наиболее ценное. Это событие пока только предположительно можно связать с военно-политическим и экономическим кризисом, переживаемым империей, и появлением на полуострове хазар (Мыц 1997: 197—199).

Глава 3. Хазарская Алус и ее наследники: VIII — 80-е годы XIV вв.

После ухода византийского гарнизона Алустон, возможно, некоторое время пребывал в запустении. К IX—X вв. площадь крепости увеличилась до 0,5 га за счёт ограждения небольшого посада, примыкавшего с востока к стенам цитадели. Крепостная стена этого времени идет в направлении северо-запад — юго-восток, прослежена раскопками на протяжении 60 м в трёх местах, на двух

смежных и одном обособленном участках (рис. 11; 13). Толщина сооружения — 1,40—1,90 м. Внешний слой конструкции сложен из крупного бута с ровной лицевой гранью, что придавало постройке монументальный вид. Кладка скреплена глиной (Мыц 1991: 151—152).

Опубликованная автором археологических исследований памятника краткая справ-

Рис. 31. Фрагмент южного участка оборонительной стены IX—X вв. Вид с севера (по Мыц, Адаксина 1992: рис. 51).

Fig. 31. Fragment of the southern part of the defensive wall of 9th — 10th cc. View from the north (after Мыц, Адаксина 1992: рис. 51).

ка о хазарском периоде в развитии крепостного ансамбля, безусловно, является неполной, но может быть немного расширена за счёт неучтённой информации, которая содержится в научных отчётах о раскопках, тогда как сами сооружения в настоящий момент для осмотра недоступны и частично утрачены.

По отношению к первоначальной оборонительной стене новая крепостная ограда вынесена вперёд на расстояние 30—40 м. Общая длина сооружения равна 130 м. Начертание стены в целом повторяет конфигурацию напольной стороны крепостного полигона цитадели, отличаясь лишь несколько спрямлённым участком посередине и смещением защитных рубежей по краям: в северо-западной части — вовнутрь территории, в юго-восточной — наружу. Данных о фортификационных сооружениях боковых оборонительных линий хазарского времени нет.

Северо-западный край новой крепостной ограды изучен раскопками на протяжении 29 м (рис. 13, 28). При возведении сте-

ны основание было выровнено с частичной подрубкой склона с тыльной стороны, которая прослеживается на участке длиной 11 м. Край выемки выступает за плоскость куртины на 0,10—0,20 м, зазор забутован булыжником. Конструкция сооружения трёхслойная двухлицевая, фундамента, как такового, не имела. Толщина кладки у основания — 1,75—1,90 м (Мыц 1985: 27; 1986: 6—7).

Средняя часть ограды сохранилась хуже и представлена сильно повреждёнными фрагментами сооружения высотой 0,30—0,80 м, перекрытыми руинами более поздних построек (рис. 13; 29). Протяжённость исследованных остатков стены составляет 21 м. Толщина куртины — 1,45—1,55 м (Мыц 1987: 16).

Небольшой фрагмент южного участка оборонительной стены хазарского времени длиной 10,50 м (рис. 13; 30) в тексте отчёта о раскопках только упомянут, что лишь немного компенсируется несколькими иллюстрациями. Судя по графическим материалам, после упразднения он был приспособлен в качестве ограды двора XIV—XV вв. и имел какие-то проёмы (рис. 31), возможно, появившиеся в связи с его новым назначением, хотя нельзя исключать и более раннее их происхождение. Кладки сохранились на высоту 0,50—0,90 м. Толщина куртины — 1,30—1,40 м (Мыц, Адаксина 1992: 22, рис. 36; 39; 41; 51).

На исследованных раскопках участках крепостные ворота не обнаружены. Учитывая топографию местности, можно предположить, что вход на территорию укрепления в это время находился между городским зольником и южным краем передней оборонительной стены, где дневная поверхность несколько выполаживается (рис. 13).

На основании обнаруженных в забутовке кладки фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, белоглиняной поливной керамики, амфор причерноморского типа и фляг стена датирована IX—X вв. Существование сооружения было непродолжительным. Согласно материалам раскопок, уже в X в. куртина подверглась частичной разборке и с внешней, северо-восточной, стороны к ней пристраиваются здания, разрушенные в пожаре X в. (Мыц 1986: 6, 7; 1987: 16), что, в свою очередь, позволило сузить хронологические рамки возведения оборонительной стены хазарского времени и отнести её появление к концу IX — началу X вв. (Мыц, Адаксина 1992: 22).

После падения крепости, при византийском правлении, отдельные участки городской территории долго не застраивались,

и только в XII—XIII вв. площадь поселения достигла примерно 3 га за счёт роста посада, находившегося на склонах холма. С утратой предыдущей, хазарского времени, внешней крепостной ограды единственной защитой для местных жителей многие годы оставалось первоначальное укрепление (Мыщ 1991: 152). Сведений о ремонтах и новых фортификационных сооружениях данного периода нет.

Достоверные свидетельства строительной деятельности очередных, золотоордынских, собственников города в период с конца XIII в. по 80-е годы XIV в., также неизвестны. Нынешнее представление

о состоянии крепости в их правление обычно сводится к априорной констатации: «В это время (1297—1298 гг. — В. К.), по-видимому, лишаются оборонительных стен Судак и Алустон» (Крамаровский 2003: 513; 2009: 439). Однако явных следов целенаправленной разборки или разрушения крепостных построек данного периода раскопками не обнаружено и, надо полагать, настоящий вывод основывается исключительно на устоявшемся мнении, согласно которому для тюрко-монгольской кочевнической традиции городские стены были неприемлемыми — как признак слабости (Крамаровский 2009: 567).

Глава 4. Генуэзская Алуста: 80-е годы XIV в. — 1475 г.

Первый этап: 80-е годы XIV в. — начало XV в.

Фортификационное строительство на территории крепости, которое осуществлялось её новыми владельцами на данном этапе, видимо, ограничилось ремонтом и приведением в порядок оборонительных объектов цитадели, где могла размещаться генуэзская администрация. Достаточно большой представляется вероятность того, что снаружи посад был защищён рвом.

Второй этап: 20-е годы XV в.

Фортификационная структура укрепления усложнилась. В дополнение к цитадели с напольной стороны опять возведена внешняя линия обороны (рис. 13). По отношению к первоначальной, юстиниановской, стене новая крепостная ограда вынесена вперёд на расстояние 55—65 м. Своим начертанием она точно следует конфигурации защитных рубежей хазарского периода, что, видимо, было обусловлено не столько их остатками, к тому времени практически полностью обезличившихся (исчезнувших с поверхности земли), но, прежде всего, рельефом местности и характерной плановой схемой посада, имевшего радиально-концентрическое расположение застройки. Общая длина сооружения равна приблизительно 158 м. Передняя крепостная стена состояла из трёх куртин, сведённых между собой под скруглёнными на стыках почти одинаковыми углами — 150° и 165°. Их протяженность: северо-западного участка — около 60 м, среднего — 40 м, юго-восточного —

57 м. Общая площадь укрепления — примерно 1 га.

Достаточно чёткой локализации поддается юго-восточная куртина крепостной ограды, южную половину которой удалось исследовать посредством археологических раскопок практически полностью (Мыщ и др. 1993а: 18—86; Тесленко, Семин 1999: 5—6, 28—63). Она расположена на свободной от городской застройки (за пределами посада), но занятой кладбищем, территории с довольно пологим склоном. Перепад уровня дневной поверхности с внутренней и внешней сторон оборонительной стены здесь почти отсутствует и составляет всего 0,05—0,10 м (рис. 32).

Фундамент центральной части куртины впущен в плотные отложения глинистого серо-коричневого (местами — желто-коричневого) грунта с большим количеством щебня, который заполнял ямы погребальных сооружений и покрывал материковую поверхность вокруг них слоем мощностью до 0,27 м (рис. 33). По мнению исследователей, образование данного седимента, сильно фрагментированный и малочисленный керамический материал которого может быть датирован в пределах VIII—XI вв., связано с устройством могил и перемещением земли при совершении захоронений (Тесленко, Семин 1999: 41—42).

Глубина закладки фундамента — 0,25—0,30 м. Траншея под него в плане практически совпадает с начертанием куртины. Ширина субструкции и толщина наземной части стены одинаковой величины, равны 1,50—1,60 м. По сути, фундамент представляет собой заглублённый в землю нижний ярус камней первого ряда кладки ограды, общая высота которого составляла около

Рис. 32. Первоначальная оборонительная стена крепости генуэзского времени и предшествовавший ей некрополь IX—X вв. Вид с северо-запада (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 77).

Fig. 32. Initial defensive wall of the fortress dating back to the Genoese time, with a pre-dating necropolis of 9th — 10th cc. View from the north-west (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 77).

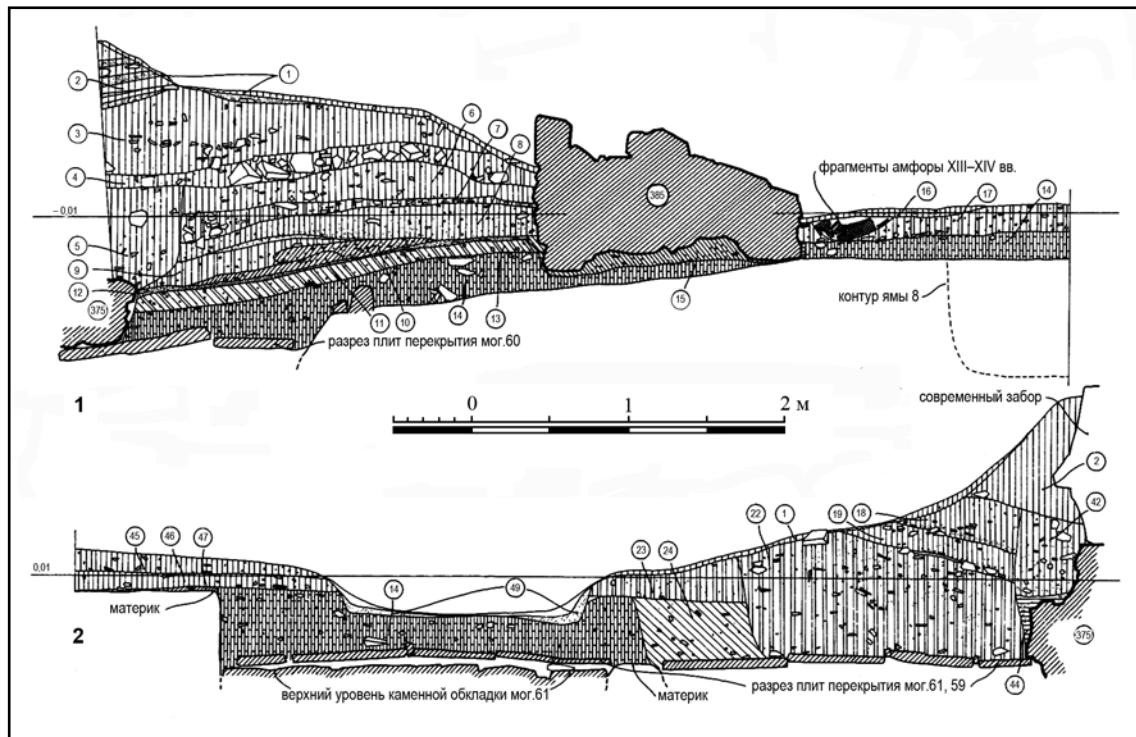

Рис. 33. Первоначальная оборонительная стена крепости генуэзского времени и предшествовавший ей некрополь IX—X вв. Стратиграфические разрезы: 1 — южный борт раскопа с остатками куртины; 2 — центральная часть фундаментной траншеи на месте пролома в стене, разрез по оси восток-запад (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 7).

Fig. 33. Initial defensive wall of the fortress dating back to the Genoese time, with a pre-dating necropolis of 9th — 10th cc. Stratigraphic sections: 1 — southern edge of the dig with debris of the curtain; 2 — central part of the foundation trench in the place of the gap in the wall, east-western section (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 7).

0,25 м. Причём, в отличие от расположенной выше конструкции, судя по стратиграфии, его внутреннее пространство на этом уровне, по крайней мере, в одном месте было заполнено переотложенным плотным серо-коричневым грунтом со щебнем, комьями глины, обугленными зёрнами злаков, уголь-

ками, фрагментами керамики и костей животных (рис. 33: 1). На смежном же участке, где сооружение полностью утрачено, натёки извести покрывают борта и дно фундаментной траншеи по всей площади (рис. 33: 2).

Кладка куртины трёхслойная двухлицевая. Её внешние части сложены из булыг

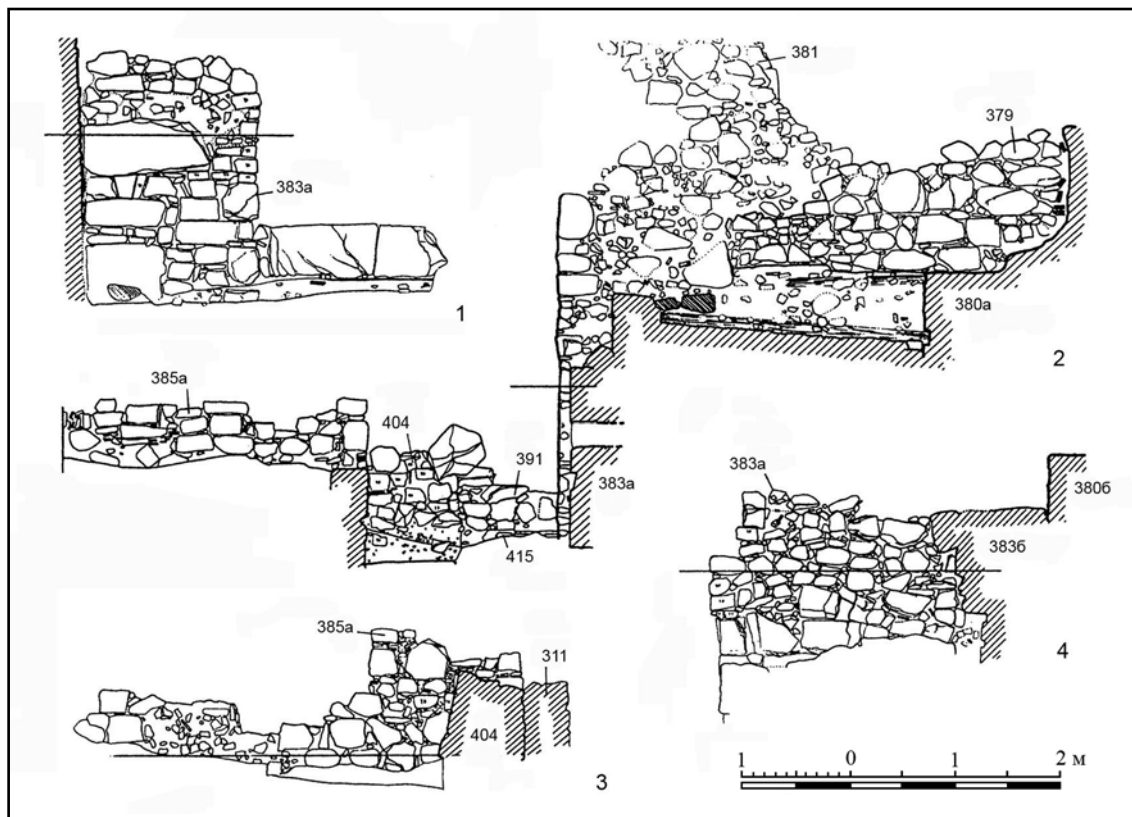

Рис. 35. Первоначальная оборонительная стена и ворота крепости генуэзского времени: 1 — южный откос проёма и остатки пилона; 2 — тыльная сторона ворот, вид с запада; 3 — северный откос проёма; 4 — кладки угловой части стены, вид с запада (по Мыц и др. 1993а: рис. 11).

Fig. 35. Initial defensive wall and gate of the Genoese fortress: 1 — southern wall of the opening and debris of pylon; 2 — rear part of the gate, view from the west; 3 — northern wall of the opening; 4 — masonry in the corner part of the wall, view from the west (after Мыц и др. 1993а: рис. 11).

Совершенно иную архитектуру оборонительная стена имела на юго-восточном, угловом, участке крепостного полигона, где, и рядом с которым (в непосредственной близости от того), наблюдаются явные следы неоднократных ремонтов (рис. 34; 35). Здесь она соединяется с аналогичной, но более тонкой куртеной, ограждавшей территорию с юга. Их толщина — соответственно, 1,60—1,70 и 1,10 м. Угол между ними составляет около 100°. Обе кладки абсолютно одинаковые. Они трёхслойные двухлицевые, сложены из мелкого и среднего бута без применения известки⁷. Характерной конструктивной

⁷ В научный оборот введена информация о том, что «их лицевые поверхности выложены из крупных камней с соблюдением порядовки» (Мыц 2002: 166), которая не соответствует действительности. На самом деле кладка является иррегулярной, и отчасти поэтому она выравнивалась с помощью деревянных поясов, а упомянутый автором раскопок относительно крупный бут в конструкции стены используется лишь местами, причём исключительно в смежном с ней, более раннем, сооружении.

особенностью, отличавшей их от остальных фортификационных сооружений укрепления, является использование многоярусного деревянного каркаса в виде горизонтальных решёток (поясов) и обычного грунта для заполнения пустот между камнями (рис. 36).

Обвязка кладки двусторонняя, выполнена посредством брёвен и округлых в сечении брусьев, расположенных продольно заподлицо с поверхностью стены, причём их торцы на фасадах повсеместно выступали наружу на 4,0—7,0 см (рис. 37). Между собой отдельные детали каркаса соединялись внахлёт, материальных свидетельств о врубках и гвоздевом креплении нет. Видимо, в конструкции не применялись и поперечные связи, по крайней мере, в пределах сохранившихся её остатков, максимальная длина которых достигает 4 м, не отмечено ни одной перемычки. Расстояние между поясами по вертикали составляет 0,45—0,55 м.

Немного необычным является второй ярус каркаса на участке, усилившем край передней оборонительной стены. В отличие от всех

Рис. 36. Кладка угловой части первоначальной оборонительной стены генуэзского времени. Вид с севера, сверху (по Мыц и др. 1993а: рис. 8).

Fig. 36. Masonry in the corner part of the initial defensive wall of the Genoese time. Top view from the north (after Мыц и др. 1993а: рис. 8).

остальных, практически горизонтальных, поясов, он единственный расположен покато, с повышением уровня в северном направлении (рис. 35: 2), что вполне могло быть обусловлено остатками предшествовавших ему на этом месте сооружений. Уклон равен 5°. Сама конструкция состоит из трёх продольных элементов, которые своими нижними концами опирались на внешнюю обвязку южной стены ограды. С напольной стороны кладки в качестве пояса использовано бревно длиной 2,54 м и диаметром 0,12 м. Как и на других участках, оно находится в одной плоскости с фасадной поверхностью куртины. Противоположная часть сооружения состоит из двух брусьев сечением 0,07×0,13 м и 0,10×0,12 м, которые полностью скрыты внутри стены и снаружи не видны (рис. 36). Расстояние между ними — соответственно, 0,78 и 0,32 м. Общая ширина конструкции — 1,50 м.

Взаимное расположение основных элементов деревянного каркаса кладки свидетельствует о приоритетности южной стены по отношению к дополнявшему её фрагменту северо-восточной куртины, который, в свою очередь, перекрывает забутовку предшествовавшей ему конструкции остальной, напольной, части ограды, где в качестве вяжу-

Рис. 37. Отпечатки деревянного каркаса кладки в растворе. Вид с северо-запада (по Мыц и др. 1993а: рис. 10).

Fig. 37. Imprints of the wooden frame in the mortar. View from the north-west (after Мыц и др. 1993а: рис. 10).

щего везде применена известь, и таким образом придает всему сооружению вторичность. Обе части крепостного полигона могли быть возведены как синхронно, так и, скорее всего, в разные, относительно близкие по времени, этапы одного строительного периода — основной и ремонтный (восстановление после землетрясения 1423 г.).

Достаточно большой является вероятность того, что подобная оборонительная стена — бутовая, с деревянным каркасом и заполнением пустот кладки обычным грунтом — ограждала предместья и с противоположного бока, с северо-западной стороны. Только такая конструкция, располагаясь на краю крутого склона, могла исчезнуть практически бесследно после разрушения. По крайней мере, судя по стратиграфии бортов современной водопроводной траншеи⁸, поперечно прорезавшей до материка край крепостной площадки у цитадели, абсолютно никаких признаков ка-

⁸ Авральный характер земляных работ, незаконно предпринятых арендатором памятника в смутные 90-е годы прошлого века, и определённая нерасторопность исследователей, к сожалению, не позволили осуществить полноценное изучение и своевременную фиксацию культурного слоя, поврежденного траншеей.

Рис. 38. Железные детали крепления воротного полотна in situ. Общий вид с запада, сверху (по Мыц и др. 1993а: рис. 31).

Fig. 38. Iron details of the gate's fixture in situ. General top view from the west (after Мыц и др. 1993а: рис. 31).

Рис. 39. Железные детали крепления воротного полотна in situ. Общий вид с запада (по Мыц и др. 1993а: рис. 32).

Fig. 39. Iron details of the gate's fixture in situ. General view from the west (after Мыц и др. 1993а: рис. 32).

питальных фортификационных сооружений, возведённых с использованием известкового раствора, как, впрочем, и иных построек, там не обнаружено⁹.

Крепостные ворота. Вход в крепость расположен с напольной стороны, в северо-восточной куртине передней оборонительной стены на расстоянии 3,35 м от юго-восточного угла ограды (рис. 13, 34, 35)¹⁰. Он представляет собой прямоугольный в плане проём шириной 1,85 м. Его глубина — 1,50—1,60 м. Разница в размерах обусловлена изменением вертикального сечения северного участка стены с тыльной стороны. Толщина куртины

⁹ В пределах боковой линии обороны, практически не исследованной археологически, отложения деградировавшего известкового раствора раскопками пока выявлены только в одном месте, на расстоянии 10 м к юго-западу от башни Чатал-Куле (рис. 13), с возведением и разрушением которой, а также примыкавших к ней крепостных стен, они соотнесены (Мыц 1987: 5, 6).

¹⁰ В.Л. Мыц называет, не без сомнения, данный проём потерной и датирует его второй четвертью XV в. (Мыц 2002: 171). Настоящее описание и реконструкция сооружения составлены на основании информации, которая содержится в материалах отчёта о раскопках памятника (Мыц и др. 1993а: 20—23; 1993б), и результатов осмотра уцелевших остатков сооружения.

на уровне дневной поверхности равна 1,60 м, затем на высоте 0,50 м, посредством уступа, уменьшается до 1,50 м, тогда как ширина противоположного, южного бока проёма на всём протяжении сохраняет постоянную величину — 1,60 м. Одновременно с трансформацией объёма совершенно иные свойства приобретает сама кладка. Она становится более регулярной и аккуратной, чему в значительной мере способствовало преобладание в лицевых слоях сооружения камня в виде блоков и плит, что, в свою очередь, позволяло обеспечить качественную пригонку отдельных элементов. Не менее характерной особенностью кладки является активное использование спойл — целых и фрагментированных архитектурно-конструктивных деталей неизвестного происхождения из известкового туфа, а также массовое применение крупных обломков керамических изделий в заполнении швов.

Сзади проём был фланкирован двумя пилонами, которые расположены заподлицо с его боковыми поверхностями. Один из них, северный, и смежная часть куртины на уровне подножия имеют общую кладку, выше они разделялись швом (рис. 34; 35: 1). Южный выступ пристроен к тыльной стороне ограды без перевязки конструкций, возведён с использованием в основании мощного

блока песчаника размером $0,40 \times 1,85 \times 0,75$ м (рис. 34; 35: 3). Оба сооружения сохранились на высоту до $0,50$ — $0,70$ м, в длину остатки стен уверенно прослеживаются лишь на протяжении $1,95$ м. Толщина кладок: южной — $0,95$ — $1,10$ м, северной — предположительно, около 1 м. Появление данных пилонов, которые, вероятнее всего, вместе с боковой куртиной поддерживали помост, позволяло достаточно эффективно увеличить полезную площадь стрелковых позиций у крепостных ворот на уровне боевого хода оборонительной стены.

Низ проёма относительно ровный с порогом на входе. Покрытие проезда земляное, уплотнено морской галькой. Внутри крепости уровень дневной поверхности немного повышается в восточном направлении. Уклон дороги равен 1 — 2° . Со временем, в процессе эксплуатации, посредством нескольких подсыпок грунта его величина возросла сначала до 5° , а затем достигла 9° . Порог находится у напольного края проёма в одной плоскости с фасадной поверхностью стены. Он был деревянным, выполнен из бруса сечением $0,16 \times 0,22$ м. Основание порога тщательно выровнено и усилено однорядной кладкой, своего рода фундаментом, из постелистого бутана на известковом растворе (рис. 34). Подобная конструкция примыкала к нему также с тыльной стороны, вровень с покрытием проезда. Внутри проёма порог возвышался на $0,07$ м.

In situ сохранились железные детали крепления воротного полотна — угловая обойма с опорным стержнем и подпятник (рис. 38, 39). Верхняя, вращавшаяся, часть конструкции имеет сложную пространственную форму, состоит из четырёх полос, охватывавших угол створки с торца, обоих боков и снизу, под которыми, на пересечении их осей, находится массивный выступ пяты в виде усечённой пирамиды с немного скруглёнными краями (рис. 40). Общие размеры изделия — $39,6 \times 37,4 \times 16,0$ см. Нижняя деталь представляла собой прямоугольную призму с неровными гранями, которая в своё время была прочно закреплена в деревянном пороге. По отношению к тыльному краю и торцу бруса она находилась на расстоянии, соответственно, $6,0$ и $11,0$ см. Площадь опорной поверхности подпятника — $4,4 \times 4,6$ см, его толщина — $3,0$ — $3,2$ см. Вертикальная, торцовая полоса обоймы, точно отмечая местонахождение ворот в закрытом состоянии, расположена параллельно боковой поверхности проёма. Зазор между ними равен $2,0$ см. Снаружи он был прикрыт доской толщиной $0,05$ м.

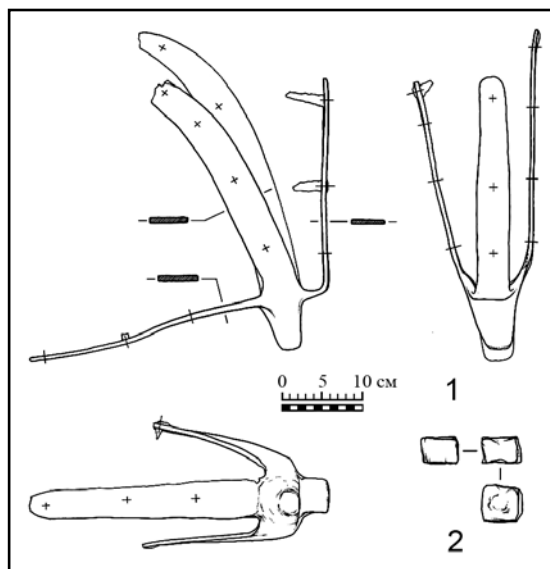

Рис. 40. Железные детали крепления воротного полотна: 1 — угловая обойма с опорным стержнем; 2 — подпятник. Чертёж В. П. Кирилко и С. В. Семёна.

Fig. 40. Iron details of the gate's fixture: 1 — corner shoulder with a bearing bar; 2 — foot bearing. Drawing by V.P. Kirilko and S.V. Semin.

Достоверному определению поддаются отдельные конструктивные и технологические особенности находки. Обойма состоит из нескольких деталей, которые между собой прочно соединены. Её боковые части и пяты изготовлены из одного куска металла, остальные элементы к ним приварены посредством горячейковки. К воротному полотну само изделие крепилось гвоздями: спереди — четырьмя, сзади — пятью, снизу и с торца — соответственно, тремя с каждой стороны. Форма и взаимное расположение полос обоймы являются функционально обоснованными. Все они, сохраняя свою толщину практически без изменения на всём протяжении (наблюдается лишь незначительное утончение ближе к краю), по направлению к концу немного сужаются и скругляются, а нижняя — образует небольшой уступ и заостряется. Более того, боковые полосы, оставаясь плоскими, изогнуты по дуге и между собой слегка смещены (разнесены в пространстве), что позволило избежать прямолинейного расположения гвоздей (следовательно, препятствовало образованию трещины) и их взаимного (встречного) пересечения. Причём, если передняя из них является абсолютно вертикальной, то тыльная по всей длине отогнута наружу под углом 15° , обозначив тем самым внутренние габариты и кон-

Рис. 41. Потерна в первоначальной оборонительной стене генуэзского времени. Слева — куртина 60-х годов XV в. Вид с севера, сверху (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 3).

Fig. 41. Postern in the initial defensive wall of the Genoese time. Left — curtain of 60s of 15th c. Top view from the north (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 3).

структивные особенности воротного полотна. Размеры верхнего и нижнего основания пяты — $4,6 \times 5,8$ и $2,4 \times 2,8$ см. Её высота — 5,8 см. Полосы в сечении прямоугольные: ширина — $3,8$ — $5,2$ см, толщина — $4,6$ — $6,0$ мм. Их длина составляет: передней — 36,0 см, тыльной — около 37,0 см, торцевой — 26,5 см, нижней — 29,5 см. Расстояние между гвоздями: минимальное — 4,6 см, среднее — $8,0$ — $9,0$ см, максимальное — 10,4 см.

Вид, устройство и размеры самих ворот поддаются вполне достоверной реконструкции. Они были двукрылыми, открывались вовнутрь. Их толщина составляла 7,8 см, о чём свидетельствует характерный паз внутри угловой обоймы. С учётом необходимых зазоров, один из которых выявлен раскопками, предполагаемая ширина полотна составляла

0,90 м. Поскольку наряду с горизонтальными и вертикальными креплениями предусматривалась также диагональная фиксация пяты, щитовая конструкция створки непременно должна была иметь откос, позволявший избежать деформации (искривление и провисание, как следствие, заклинивание) сооружения. Характерная форма тыльной полосы обоймы даёт основание утверждать, что он выступал над задней поверхностью воротного полотна на 0,06 м, а высота этого сооружения составляла около 1,90 м.

С южной стороны проёма, в 0,75 м от уровня проезда и на расстоянии 0,25 м от переднего края, в кладке находится отверстие трапециевидной формы, сужается книзу. Его размеры: высота — 0,23 м, ширина — $0,14$ — $0,18$ м, глубина — 0,37 м. Вероятно, оно исполь-

Рис. 42. Потерна в первоначальной оборонительной стене генуэзского времени и куртина 60-х годов XV в. План (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 1).

Fig. 42. Postern in the initial defensive wall of the Genoese time, and a curtain of 60s of 15th c. Plan (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 1).

зовалось как приёмное гнездо для засова. Воротный проём мог завершаться аркой с глухим тимпаном.

Вход в крепость был устроен без башни и, соответственно, не имел внешнего флангового прикрытия. Дорога к нему подходила с северной стороны и шла под стенами, что в некоторой степени позволяло обеспечить дополнительную защиту на ближних подступах. По расположению и архитектонике определённой аналогией ему являются крепостные ворота Фуны, датированные 1423 г. (Кирилко 2005: 108—117), и Учансу-Исара, существовавшего в пределах третьей четверти XV в. (Кирилко 2005: 113; Бочаров 2009: 121). Оба укрепления принадлежат к провинциально-византийскому направлению оборонного зодчества региона, наиболее полно представленному в фортификационных сооружениях феодалов.

Потерна. На стыке юго-восточного и среднего участков передней оборонительной стены, видимо, был предусмотрен ещё один вход на территорию укрепления, который вполне мог использоваться в качестве потерны (рис. 13). Само сооружение сохранилось крайне плохо, вскрыто и исследовано раскопками частично (рис. 41; 42). Строительный горизонт здания отмечен тонким (около 0,1 см)

слоем деструктированного известкового раствора, залегавшего на поверхности зольника X—XI вв. (Тесленко, Сёмин 1999: 6—7, 28, рис. 1—3, 20).

Предполагаемый вход в крепость снаружи был защищён башней. Она представляла собой прямоугольную в плане постройку, возможно (судя по дуговидной конфигурации внутреннего пространства), с проёмом в боковой, южной, стене. Размеры сооружения: реконструируемая длина — 5,25 м, вынос за пределы крепостной ограды — 2,25 м, толщина стен — 0,75—1,10 м. Ширина помещения — 1,55 м, его протяжённость — 3,15 м. Траншея под фундамент здания выкопана точно по контуру стен в рыхлом серо-коричневом золистом грунте. Её максимальная глубина составляет 0,45 м, местами она существенно уменьшается, а на южном стыке с куртиной почти сходит на нет. Кладка субструкции бутовая на известковом растворе, количественно преобладают булыги средней величины. Судя по незначительной толщине стен, постройка, вероятнее всего, была одноэтажной с открытой площадкой на уровне боевого хода крепостной ограды. Ближайшей аналогией ей является подобная башня Лимена-Кале (Фирсов 1990: 307, рис. 100; 103).

Третий этап: вторая четверть XV в.

Ремонту подверглась цитадель, полностью перестраивается северо-западный участок её оборонительной стены (рис. 13; 24; 25). Основной причиной разрушения первоначального сооружения могло стать землетрясение 1423 г. Новая куртина расположена на довольно крутом склоне, что при строительстве потребовало специальных работ по выравниванию рельефа, уничтоживших все более ранние культурные напластования (Мьщ 2009: 85). Восстановлена южная боковая стена наружной ограды.

Четвёртый этап: 60-е гг. XV в.

Проведена капитальная реконструкция внешней оборонительной линии города, морально и физически устаревшей. Взамен существующей передней крепостной стены в непосредственной близости от нее, на расстоянии 0,75—2,80 м, снаружи сооружена новая, более мощная ограда, усиленная тремя башнями — на углах и посередине (рис. 13). Строительство сопровождалось упразднением прежних коммуникаций и связанных с ними объектов, а также, предположительно, разрушением (скорее всего, частичным) предшествующего ему сооружения, камень которого можно было использовать повторно. Хотя, безусловно, нельзя исключать вероятности того, что, в случае сохранения ранней постройки в первоначальном состоянии, образовавшийся промежуток мог быть легко перекрыт и приспособлен для расширения площади стрелковых позиций на уровне боевого хода стены. Впрочем, ни одна из обозначенных версий пока, в достаточной степени, не подтверждается раскопками, ибо не получила соответствующего отражения в стратиграфии — ни характерного скопления деструктурированного известкового раствора с включениями неиспользованного камня, ни признаков мощного пожара с обугленными остатками деревянных конструкций помоста при археологическом изучении культурного слоя не выявлено¹¹. По крайней мере, судя

¹¹ По мнению исследователей, получившему своё отражение в выводах отчёта о раскопках: «Стены третьей линии обороны были впоследствии аккуратно разобраны, о чём свидетельствует отсутствие слоёв разрушения. Подобные действия можно связать с возникновением потребности в большом количестве строительного материала в период возведения нового

по тому, что с упразднением первоначального входа воротные полотна не были демонтированы и подверглись полной, двусторонней закладке, стена могла уцелеть также на многих других участках и в дальнейшем быть использована в качестве внутренней.

Общая длина новой оборонительной линии, по сути, сохранившей в целом начертание предыдущей крепостной ограды, равна 160 м. Расстояние между башнями составляет 80 и 70 м. Площадь укрепления увеличилась до 1,065 га.

Все куртины примыкают к башням без перевязки кладок и, следовательно, появились после их возведения.

Ашага-Куле. Башня представляет собой монументальное здание с круглыми внутренними и внешними очертаниями плана, по сравнению с остальными башнями была самой высокой и могла использоваться в качестве маяка¹² (рис. 8; 13; 34; 43; 44)¹³. С тыльной стороны, на уровне нижнего яруса, она имеет уступ, образовавшийся в результате примыкания постройки к угловому участку предшествовавшей ей крепостной ограды второй четверти XV в. (рис. 34). Диаметры сооружения: внешний — 9,00—9,20 м, внутренний — 3,00—3,40 м. Толщина стен — 2,40—3,00 м. Высота руин — около 16 м. Протяжённость сторон уступа: восточной — 3,45 м, южной — 2,00 м. Угол между ними — 100°. Кладка трёхслойная двухлицевая. Здание сложено в основном из крупных глыб и булыг на известковом растворе, пустоты между которыми заполнены мелким камнем (рис. 43; 46). В качестве штучного кладочного материала применены две гири для виноградного прессы и многочисленные обработанные блоки известкового туфа вторичного использования. Фундаменты впущены в культурный слой на глубину 0,50—0,90 м, в одном месте повредив плитовую могилу с артефактами XII—XV вв. (Мьщ 2002: 170—171), основание материковое. В восточной части строения субструкция по отношению к поверхности

более мощного оборонительного рубежа во второй половине XV в.» (Тесленко, Семин 1999: 65).

¹² В этом плане весьма показательна картина Л. Лагиорио «Алушта» (1889 г.), изобразившего Ашага-Куле с маленьким светящимся окошком со стороны моря (Полун 1981: мал. 81).

¹³ Сердечно благодарю В.Г. Рудницкую, заведующую Алуштинским филиалом КРУ «Центральный музей Тавриды», за любезно предоставленные для использования в качестве иллюстраций исторические виды башни Ашага-Куле.

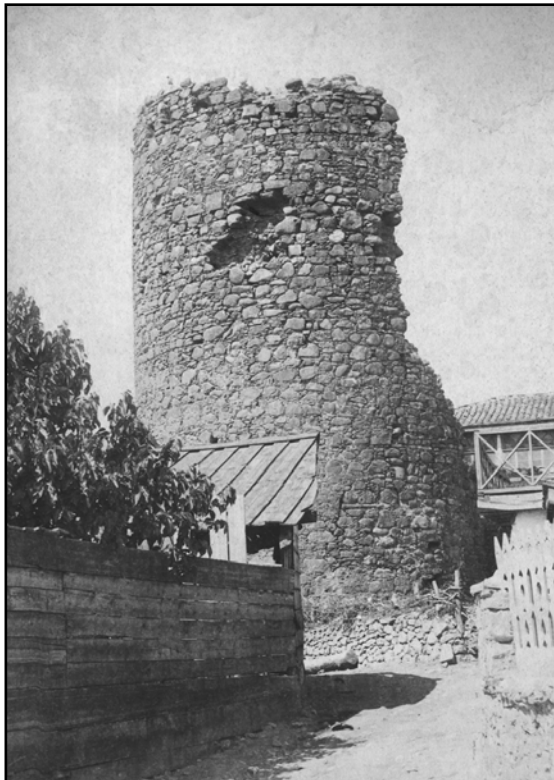

Рис. 43. Башня Ашага-Куле. Вид с востока. Открытка начала XX в.

Fig. 43. Ashaga-Kule Tower. View from the east. Postcard of early 20th c.

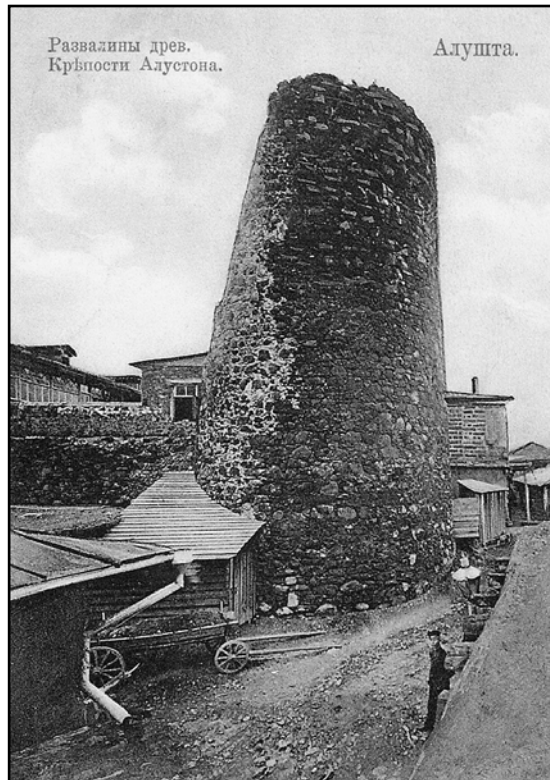

Рис. 44. Башня Ашага-Куле. Вид с юга. Открытка начала XX в.

Fig. 44. Ashaga-Kule Tower. View from the south. Postcard of early 20th c.

стены выступает вовнутрь на 0,10—0,70 м и сходит на нет к краям, с противоположной стороны их контуры практически совпадают. Башня, видимо, была многоярусной закрытого типа (Мыц 2002: 165—166). Судя по неизменной толщине сохранившейся части стены, внутреннее пространство здания могло сохранять свои размеры и очертания на всю высоту.

В стенах наземного этажа башни сохранились пустоты от двух ярусов горизонтального деревянного каркаса, предназначавшегося для усиления сооружения (в частности, антисейсмического) и предотвращения его деформации при возведении вследствие медленного отвердения извести. Со стороны помещения они находятся на высоте 1,20 и 4,20 м от основания. Нижняя конструкция состояла из прямоугольных в сечении (0,18×0,22 м) брусьев длиной около 2 м, которые залегали в кладке по периметру внешней лицевой поверхности, образуя в плане многоугольник (рис. 45)¹⁴.

¹⁴ В первой публикации чертежа и его последующем переиздании допущено две существенные неточности — упразднены пунктирные линии, а в подписи не указано, что изображена конструкция именно ниж-

Между собой отдельные элементы соединены внахлёт, возможно, имели гвоздевое крепление. С ними связаны семь подобных брёвен, располагавшихся радиально. С внешним поясом они состыковывались в паз, не выступая наружу. Кроме того, вся конструкция была скреплена тремя длинными брусьями, размещёнными по касательным к внутренней поверхности стены (Мыц и др. 1993а: 5—6).

Каркас второго яруса для изучения практически недоступен. От нижнего он отличался конструкцией пояса со стороны помещения, который состоял, предположительно, из шести отёсанных и соединённых внахлёт брёвен, располагавшихся по периметру, у самой поверхности кладки. Сечение брусьев — 0,15×0,20 м.

Внутри башни на высоте 1,90 м от основания, на противоположных сторонах стен, имеются четыре одинаковых гнезда от балок, которые, находясь на одном уровне и совпа-

ного яруса, поскольку второй каркас имел совершенно иное расположение элементов (Мыц 2002: рис. 37; 2009: рис. 213).

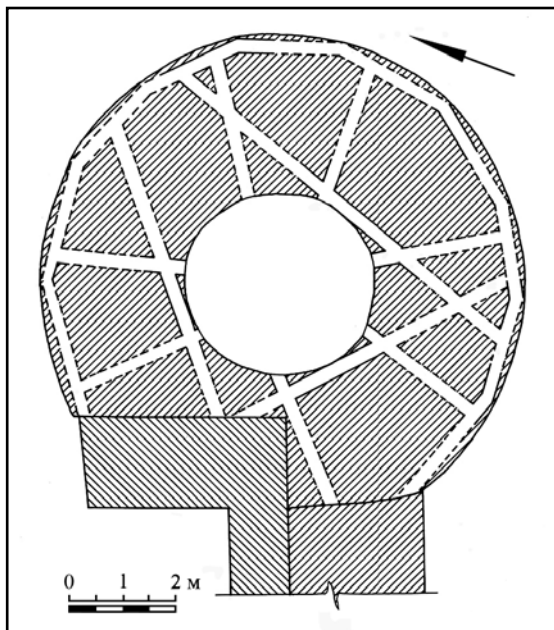

Рис. 45. Нижний ярус деревянного каркаса кладки башни Ашага-Куле. План (по Мыц и др. 1993а: рис. 2).

Fig. 45. Bottom layer of the wooden frame in the masonry of the Ashaga-Kule Tower. Plan (after Мыц и др. 1993а: рис. 2).

дая с основными осями здания, в своё время могли пересекаться в центре. Размеры отверстий — 0,10×0,10 м. Вероятно, брусья принадлежали конструкции, технологически связанной с возведением башни, либо фиксировали опору лестницы (Мыц и др. 1993а: 6).

В слое пожара на полу здания обнаружены обугленные остатки нескольких деревянных балок сечением 0,08×0,12 м и 0,12×0,12 м, которые были расположены в два яруса относительно параллельными рядами, по направлению почти совпадающими с линией оборонительных стен. Нижние ориентированы на СЗ-ЮВ, верхние по отношению к ним развёрнуты практически под прямым углом и, в свою очередь, повсеместно перекрыты фрагментами досок толщиной 0,042 м и шириной 0,25 м. Шаг прогонов — 0,34—0,40 м. Настил крепился кованными железными гвоздями длиной около 6 см (Мыц и др. 1993а: 12, рис. 18—20).

Пол нижнего помещения земляной, представлял собой выровненную поверхность отложений строительного горизонта, скопившихся внутри башни при сооружении фундаментов и кладке наземной части здания. Толщина слоя — 0,60 м. Вдоль стен имелись углубления для установки трёх небольших пифосов, изъятых ещё до возникновения пожара (Мыц и др. 1993а: 14—17, рис. 12).

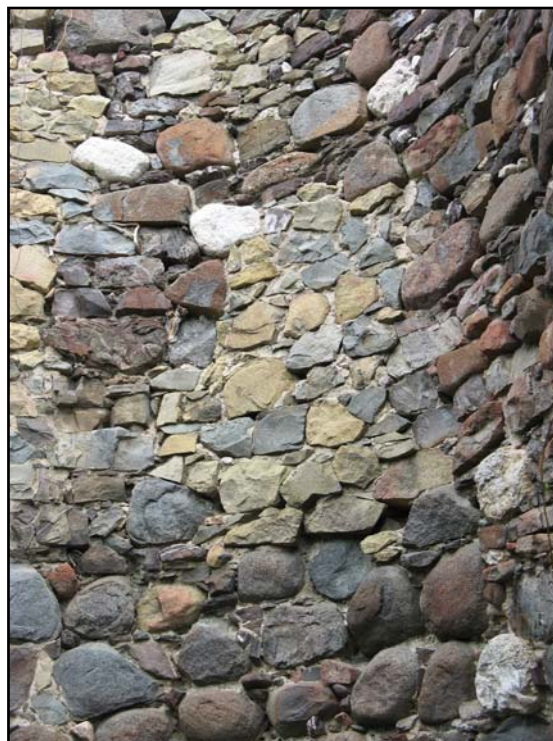

Рис. 46. Тылная сторона кладки башни Ашага-Куле. Вид с запада. 2014 г. Фото автора.

Fig. 46. Rear side of the masonry of the Ashaga-Kule Tower. View from the west. 2014. Photo by the author.

Ашага-Куле, примыкая к предшествовавшей ей ограде с востока, перекрывает проём на 0,10 м, что не должно было препятствовать использованию существующих крепостных ворот. Верхняя часть башни реконструируется с круглым в плане периметром и сквозным проходом на уровне боевого хода оборонительных стен. Косвенным свидетельством данного предположения является своеобразный характер разрушения строения, а именно, утрата только тыльной стороны сооружения. Подобное вполне могло быть обусловлено неизбежной просадкой последней, поскольку в качестве основания здесь использована довольно слабая, с рыхлой структурой, кладка первоначальной крепостной ограды.

Согласно выводам Л.В. Фирсова, касательно Ашага-Куле, «полная высота с её наверхием» могла достигать 18—20 м (Фирсов 1990: 70). В.Л. Мыц, не выделяя данное сооружение, считает, что башни крепости возвышались на 20—22 м (Мыц 2002: 172). Причём, поскольку с napольной стороны самой постройки признаков наличия бойниц в стенах не выявлено, он счёл возможным, соглашаясь с реконструкцией Л.В. Фирсова (рис. 10), также предположить размещение на её вершине машикули (Мыц 2002: 166; 2009: 334),

что допустимо, но маловероятно, ибо нецелесообразно.

На мой взгляд, достаточно любопытным представляется один из вывалов в кладке северного фасада строения, запечатлённый на фотографии начала прошлого века (рис. 8; 43). Он имеет правильные очертания и, возможно, представляет собой нишу от утраченной плиты со строительной надписью, расположенную как раз точно напротив завершающего участка дороги.

Среди башен крепости Ашага-Куле могла быть возведена первой, поскольку позволяла защитить существующий вход на территорию города, обеспечивая эффективный круговой обзор окрестностей, а также контроль подъезда к воротам на ближних и дальних подступах на всём протяжении пути следования неприятеля. Вероятнее всего, она была навигационной, что свойственно многим аналогичным сооружениям Крымского побережья (Иванов 2001: 229—231), и предназначалась для хранения пороха, возгорание которого в замкнутом пространстве, видимо, привело к оплавлению использовавшегося в кладке габбродиорита (Мыц 2002: 170), более того, возникшая при этом энергия взрыва, имела вполне достаточную силу, чтобы обрушить (разворотить) тыльную часть здания, ослабленную рыхлым основанием.

Орта-Куле. Средняя башня представляет собой монументальную постройку с прямоугольными в плане внутренними и внешними очертаниями, по сравнению с остальными башнями укрепления была самой крупной и принадлежит к типу межстенных (рис. 13; 47—53)¹⁵. Ширина здания (уменьшается в напольную сторону) — 10,60—11,25 м, его длина — 10,88 м. За линию крепостной ограды строение выступает на 9,30 м. Толщина стен башни: северо-западной, боковой — 3,00 м, северо-восточной, передней — 2,85 м, юго-восточной, боковой — 2,90—2,95 м, юго-западной, тыльной — 0,98—1,10 м (увеличение к юго-востоку). Высота руин составляет 1,75—10,00 м.

Башня была многоярусной, причём, судя по незначительной толщине задней, явно самонесущей, стены, полностью замкнутое пространство имела только нижняя часть строения. Его размеры — 4,95—5,28×7,05—7,21 м. Остальные

Рис. 47. Башня Орта-Куле. Вид с юго-запада, сверху (по Мыц, Адаксина, Кирилко 1993: рис. 18).

Fig. 47. Orta-Kule Tower. Top view from the south-west (after Мыц, Адаксина, Кирилко 1993: рис. 18).

этажи со стороны укрепления, вероятнее всего, были открытыми. В кладке восточного угла башни сохранились гнёзда от деревянных конструкций, соотносимых с перекрытием, что позволяет довольно точно определить высоту наземного помещения. Она составляла 4,45—4,75 м¹⁶. Разница в отметках вызвана понижением уровня дневной поверхности внутри сооружения в тыльную сторону, в южном направлении (рис. 51). Высота второго этажа, судя по расположению следующего яруса деревянного каркаса кладки (рис. 48—51), была меньше — около 3,40 м.

Пол был земляным, покрыт слоем уплотнённого глинистого грунта с повышенным содержанием известковой крошки, под воздействием пожара приобретшего характерный коричневый цвет. Его толщина в центральной части помещения — 0,07—0,12 м, по направлению к стенам — уменьшается до 0,03 м. Ниже находятся выровненные культурные отложения, которые накопились внутри башни при строительстве и залегали поверх делювия глинистых сланцев. Они имеют

¹⁵ Обмерные работы башни по состоянию памятника на 01.01.1995 г. произведены бригадой в составе: В. П. Кирилко (руководитель), А. В. Лысенко, С. В. Семин.

¹⁶ В первой публикации материалов архитектурно-археологического изучения памятника допущена ошибка — «от пола до низа балок она составляла около 9,50 м» (Мыц 2002: 144), которая, в свою очередь, туда перекочевала из отчёта о раскопках (Мыц и др. 1993а: 5).

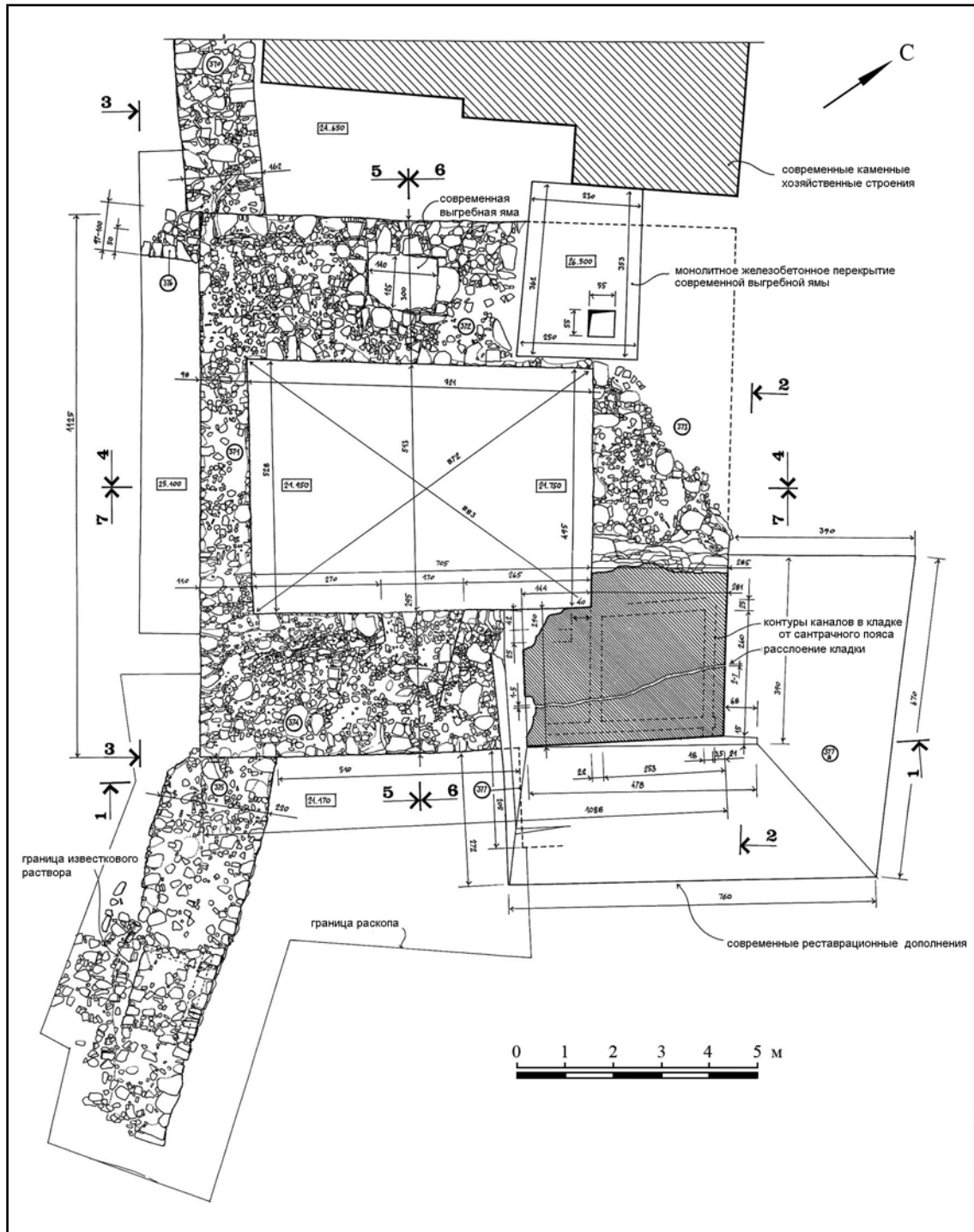

Рис. 48. Башня Орта-Куле. План. 1995 г. Чертёж автора.

Fig. 48. Orta-Kule Tower. Plan. 1995. Drawing by the author.

достаточно однородную структуру, состоят из натёков извести, а также крошки и комков кладочного раствора, осыпавшихся со стен во время их возведения. Мощность слоя переменная: с юго-западной стороны она минимальная — 0,05—0,07 м, к юго-востоку возрастает до 0,15 м. Максимальная его толщина

отмечена у передней, северо-восточной, стены помещения, где достигает 0,60—0,75 м. Там же выявлен цельный пласт неиспользованной извести, превратившейся в монолитную массу. Располагаясь в небольшой западине, он примыкал к кладке и занимал площадь около 8 м². В слое отмечено большое коли-

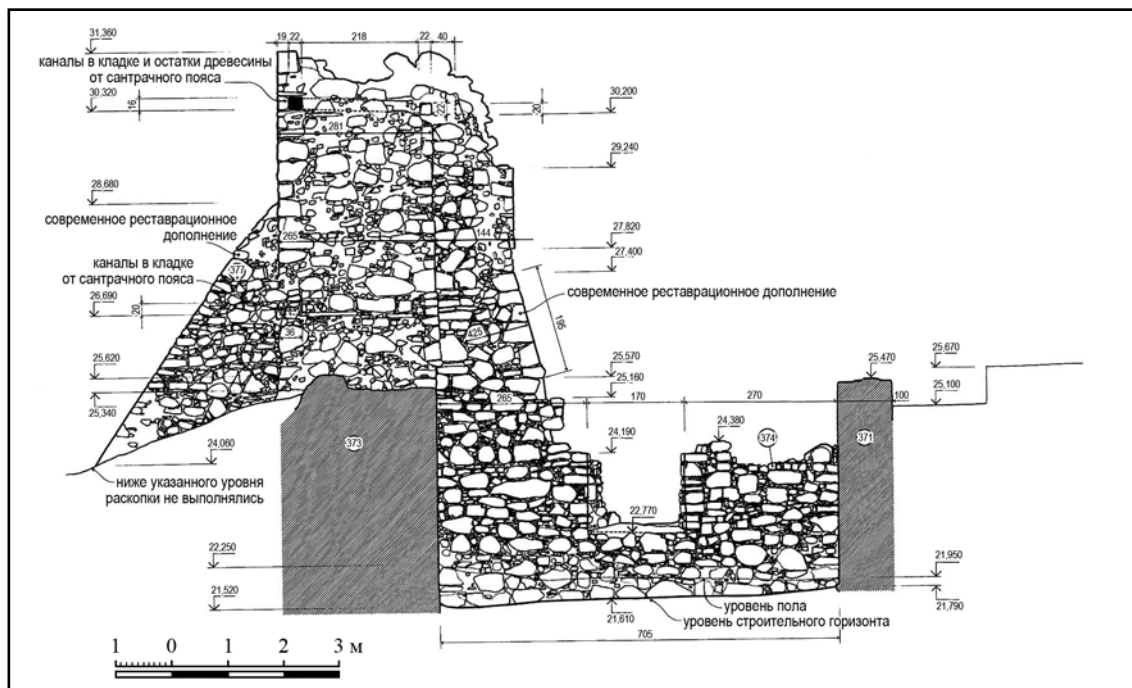

Рис. 51. Башня Орта-Куле. Продольный разрез, вид с северо-запада. 1995 г. Чертёж автора.

Fig. 51. Orta-Kule Tower. Longitudinal section, view from the north-west. 1995. Drawing by the author.

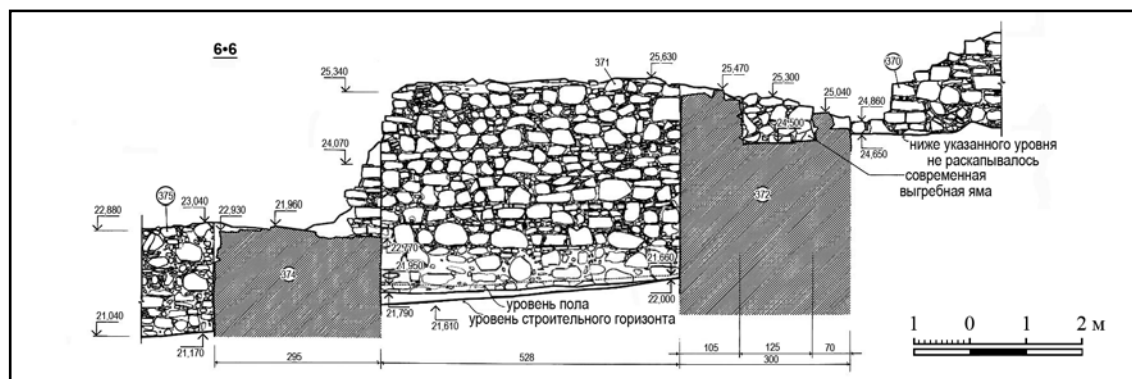

Рис. 52. Башня Орта-Куле. Поперечный разрез, вид с северо-востока. 1995 г. Чертёж автора.

Fig. 52. Orta-Kule Tower. Cross-section, view from the north-east. 1995. Drawing by the author.

чество щепы и мелких обрезков древесины, а также обнаружены длинные прямоугольные пустоты от брусьев с характерной для текстуры дуба поверхностью. Предельная протяжённость уцелевшей части каналов составляет 0,67—1,40 м, их размеры в сечении — 0,06×0,12 м, 0,10×0,10 м, 0,07×0,06 м. Брусья были уложены непосредственно на поверхность строительной площадки вдоль внешнего края известковой кучи, на расстоянии 1 м от стены, и, видимо, предохраняли раствор от растекания. В продольном направлении основание относительно ровное, ощутимая разница в высотных отметках наблюдается лишь в восточной, приспособленной под складирование извести, части внутренне-

го пространства (рис. 51). Фундаменты здания раскопками не исследовались, их конструкция и глубина закладки неизвестны (Мыц и др. 1993а: 30—31, рис. 10; Мыц 2009: рис. 178).

Строительная площадка с внешней, юго-восточной, стороны башни находится практически на том же уровне, что и внутри здания, причём, немного понижаясь, имеет одинаковый с ней уклон, составляющий 6° (рис. 50; 52). Непосредственно у сооружения её поверхность обозначена натёками извести толщиной до 0,10 м, местами она покрыта разрушенным кладочным раствором, осыпавшимся со стен во время их возведения. Наибольшее скопление строительных отходов, достигавшее мощности 0,10 м, отмечено вблизи контр-

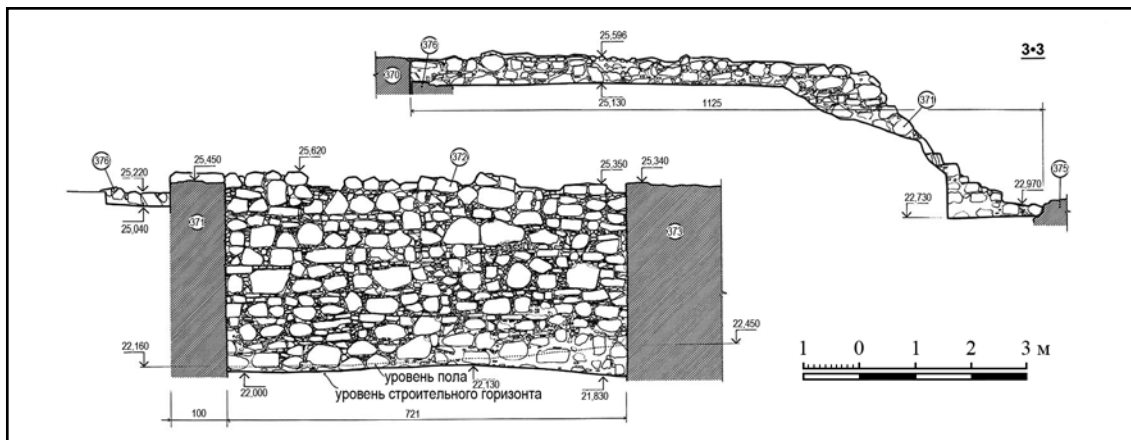

Рис. 53. Башня Орта-Куле. 1 — тыльный, юго-западный, фасад; 2 — продольный разрез, вид с юго-востока. 1995 г. (чертёж автора).

Fig. 53. Orta-Kule Tower. 1 — rear, south-western façade; 2 — longitudinal section, view from the south-east. 1995 (drawing by the author).

форса, по направлению к куртине слой уменьшается и на расстоянии 1,75 м от ограды уже почти не прослеживается. По завершению работ территория у башни на этом участке подверглась выравниванию уплотнённым серо-желтоватым грунтом. Толщина насыпи — 0,15—0,35 м (Мыц и др. 1993а: 27—28, 31, рис. 11; Мыц 2009: рис. 179).

Строительный горизонт снаружи башни частично исследован раскопками и с тыльной стороны здания. Здесь дневная поверхность тщательно выровнена, также отмечена натёками извести, но только слабо выраженными, и покрыта очень тонким (до 0,01 м) слоем уплотнённой известковой крошки, незначительное количество которой, видимо, обуславливалось тем, что выше первого этажа кладок над площадкой не было. Перепад уровней в этом месте составляет 3,30 м (Мыц и др. 1993а: 31, рис. 11; Мыц 2009: рис. 178).

Для выяснения характера межэтажных перекрытий важной является находка в слое пожара башни обугленных фрагментов отдельных дубовых балок толщиной 0,15—0,25 м¹⁷. Их ориентация в слое почти совпадает с продольной осью башни (Мыц и др. 1993а: 17), хотя отсутствие чётко выраженных гнезд на сохранившихся участках кладки угла здания не исключает вероятности поперечного расположения прогонов, равно как использование деревянных конструкций разной формы и нескольких типоразмеров. В частности,

¹⁷ В опубликованных материалах раскопок данная информация представлена в немного искаженном виде — «сечением 0,15×0,25 м» (Мыц 2002: 156).

в слое пожара внутри башни наряду с фрагментами прямоугольного сечения обнаружен обломок сторевшей деревянной детали из дуба, две частично уцелевшие грани которой имели ширину не менее 0,05 м и были сведены между собой под углом 108° (Мыц и др. 1993а: 25, 76, рис. 73: 5; Мыц 2009: рис. 196)¹⁸.

Посередине боковой, юго-восточной стены нижнего этажа башни расположена амбразура — единственная на этом уровне. Частично сохранились её лицевые и нижняя поверхности со стороны помещения (рис. 54). Проём в плане трапециевидный, немного ассиметричный. Его ширина — 1,70 м. Угол между откосами равен 24°. По отношению к плоскости стены они развернуты на 97° и 107°. Низ проёма имеет уклон 7,5° вовнутрь помещения. Амбразура находится в 0,80 м от уровня пола. Высота обороны позиции составляла всего 1,6 м.

С юго-восточной стороны башня имела амбразуру и на втором этаже. Она находилась на расстоянии 1,44 м от внутреннего восточно-

¹⁸ С этим же слоем связана ещё одна небезынтересная находка — часть железного скобеля, которая позволяет получить представление об инструментарии плотников и обработке дерева в XV в., соотносимых с возведением башни. Изделие имело классический вид большой клинообразной пластины с двумя ручками. Размеры рабочей полосы: ширина — 3,6 см, толщина — 0,4 см, длина — около 20—25 см. Ручки расположены с боков на расстоянии 2 см от лезвия. Они были деревянными, насажены на прямоугольные в сечении стержни, примыкавшие по дуге к верхнему краю инструмента (Мыц и др. 1993а: 25, 78, рис. 77: 1; Мыц 2009: рис. 180: 1).

Рис. 54. Амбразура в боковой стене нижнего этажа башни Орта-Куле. Вид с северо-запада (по Мыц, Адаксина, Кирилко 1993: рис. 20).

Fig. 54. Crenel in the lateral wall of the ground floor of the Orta-Kule Tower. View from the north-west (after Мыц, Адаксина, Кирилко 1993: рис. 20).

го угла строения. Сохранился небольшой участок лицевой поверхности северо-восточного откоса проёма, расположенного по отношению к плоскости стены под прямым углом (рис. 55). Сооружение принадлежит к распространённому в фортификационном строительстве этого времени типу стрелковых позиций с каменными банкетами (уступами для сидения) по бокам, аналогии которым известны на других генуэзских крепостях Крыма (Лопушинская 1991: рис. 33; Мыц 2009: рис. 288—290). Относительно нижней бойницы оно немного смещено в напольную сторону, что могло быть обусловлено предполагаемым размещением рядом лестницы.

Достоверных данных об остальных стрелковых позициях второго яруса башни нет. Вероятнее всего, аналогичные бойницы находились в каждой из стен здания — с противоположного бока и спереди. Подобную планировку мог иметь и расположенный выше этаж, а сама постройка завершалась открытой боевой площадкой, ограждённой парапетом с зубцами.

Кладки башни трёхслойные двухлицевые, на углах перевязаны. Стены сложены из необработанного, но хорошо подобранного и тщательно выставленного, крупного бута местных пород, преимущественно булыг, на известковом растворе с соблюдением порядка и заполнением пустот мелким камнем. Лицевые поверхности сооружения относительно ровные. Внешние углы здания оформлены разномерными хорошо обработанными блоками известняка вторичного исполь-

Рис. 55. Откос амбразуры в боковой стене второго этажа башни Орта-Куле. Вид с запада. 2014 г. Фото автора.

Fig. 55. Reveal of the crenel in the lateral wall of the second floor in the Orta-Kule Tower. View from the west. 2014. Photo by the author.

зования. На уровне межэтажных перекрытий кладка была усилена деревянным каркасом, от которого в настоящее время внутри стен сохранились горизонтальные каналы, местами — с остатками древесины (рис. 48—51). Конструкция представляла собой прямоугольные решётки из дубовых брусьев, соединённых между собой, на пересечении, врубками. Продольные пояса расположены на расстоянии 0,21—0,24 м от поверхности стены, шаг поперечных связей неизвестен. Применялся брус разного сечения — 0,19×0,22 м, 0,18×0,25 м, 0,20×0,25 м, 0,14×0,18 м.

Под современным контрфорсом, который появился при ремонтно-реставрационных работах XIX в.¹⁹, сохранились остатки первоначальной, средневековой, конструкции, усилившей снаружи восточный угол здания (рис. 56). Она представляет собой мощную кладку из бутового камня на известковом растворе, сложенную вперевязь с основным объёмом башни. Следовательно, обе части стро-

¹⁹ Как свидетельствует П.И. Кёппен, в 1833 г. по приказанию графа М.С. Воронцова под башню Орта-Куле «подведено новое основание, вместо крошавшегося старого» (Кёппен 1837: 154—156; Фирсов 1990: 70). В самом конце века опять потребовалось укрепление руин и обновление контрфорса (Протоколы 1899: 115).

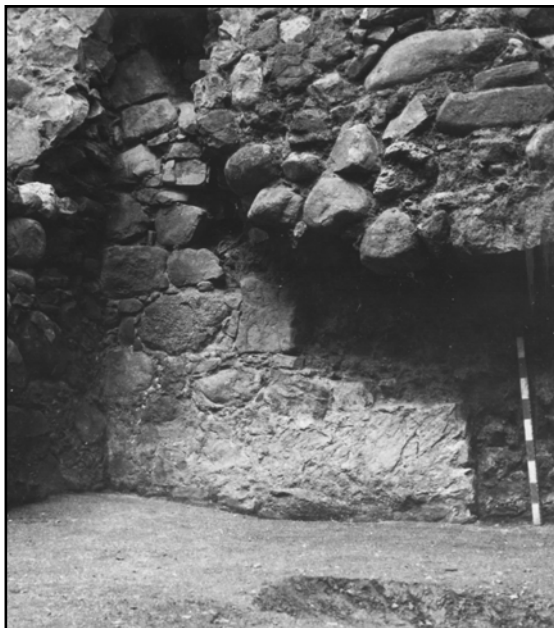

Рис. 56. Угловой контрфорс башни Орта-Куле. Вид с юго-запада (по Мыц, Семин 1995: рис. 14).

Fig. 56. Corner contrefort of the Orta-Kule Tower. View from the south-west (after Мыц, Семин 1995: рис. 14).

ения синхронны (Мыц и др. 1993а: 6—7; Мыц, Семин 1995: 2).

Средневековый контрфорс примыкает к юго-восточной стене под прямым углом на расстоянии 5,10 м от куртины. За пределы здания он выступает на 2,05 м. Подобным образом данное сооружение расположено и со стороны главного фасада, находясь в 7,15 м от северного угла башни. Его обе боковые плоскости были отвесными до самого верха конструкции. Передние грани при этом оставались вертикальными на высоту не менее 0,60 м, затем образовывали скошенную поверхность и завершались приблизительно на уровне перекрытия наземного яруса. Реконструируемые размеры сооружения по внешнему периметру: длина (протяжённость юго-восточной стороны) — 6,35 м, ширина — 5,10 м, вынос по отношению к передней стене — 2,20 м.

Судя по местоположению и форме, контрфорс был угловым и, хотя надёжно заслонял собой сбоку нижнюю бойницу от противника, имел преимущественно конструктивные функции²⁰, а значит, его иное допустимое при-

менение, например, в качестве фортификационного элемента, следует считать исключительно второстепенным. Поэтому вряд ли он, согласно устоявшемуся мнению, представлял собой противотаранное утолщение и предназначался для рикошетирования различного рода снарядов (Фирсов 1990: 71; Адаксина 1993: 20), а уж, тем более, нецелесообразно увязывать его появление с предполагаемыми машикули (Мыц 1991: 58). Автор раскопок хотя и оговаривает в качестве одного из двух возможных вариантов интерпретацию данного сооружения как углового контрфорса, но, судя по плану крепости (рис. 11), предпочтение отдаёт всё-таки версии о подножии в виде талуса, якобы почти полностью обрамлявшем всю наружную часть внешнего периметра башни (Мыц 2002: 147, рис. 1; 2009: 295, рис. 174).

Относительно хорошая сохранность и характерные конструктивные особенности здания позволили исследователям памятника высказать отдельные предположения о первоначальном облике Орта-Куле. Согласно заключению А. А. Артеменко, не дифференцировавшего доминанты, высота башен крепости достигала 16 м (Артеменко 1985: 273). По мнению Л. В. Фирсова, Орта-куле возвышалась на 13—15 м, а завершалась зубчатым парапетом с узкими бойницами и машикули (Фирсов 1990: 70—71).

В. Л. Мыц считает, что средняя башня, по видимому, состояла из трёх ярусов с открытой боевой площадкой наверху, на уровне второго и третьего этажей была трёхстенной, имела высоту не менее 21 м (Мыц 2002: 162). Реконструируемый им размер выглядит немного преувеличенным, надо полагать, из-за ошибки в интерпретации отметок наземного яруса и, на самом деле, составлял 14,0—14,5 м, что более соотносимо с упомянутыми выше выводами предшественников. По выявленным археологическими раскопками в слое пожара остаткам сторевшего зерна, столовой и кухонной посуды исследователь пришёл к выводу о том, что нижняя часть башни использовалась не только как боевая позиция, но и в хозяйственно-бытовых целях. Можно предположить, что это помещение служило для отдыха караульных в качестве кордегардии, хотя оно и не приспособлено для обогрева в холодное время — нет ни камина, ни очага. Количество защитников башни могло составлять 22—24 человека, из которых 14 стрелков занимали боевые позиции на этажах, а 8—10 воинов располагались на верхней площадке здания (Мыц 2002: 162—163).

²⁰ В этом плане показательнее давнее расслоение кладки угловой части руин башни (рис. 48; 50), возможно, обусловленное именно утратой первоначального контрфорса, и, как следствие, вызвавшее затем необходимость восстановления того в новом виде.

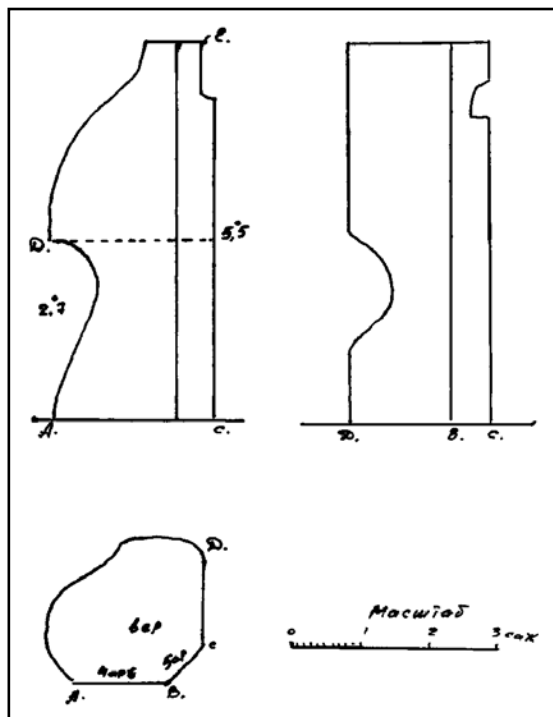

Рис. 57. Руины башни Чатал-Куле. Виды и план. 1866 г. Чертёж инженера Таргонского (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1167. Л. 35).

Fig. 57. Ruins of the Chatal-Kule Tower. Views and plan. 1866. Drawing by Targonsky, engineer (GAARK. Fund 27. Inv. 13. Dossier 1167. Sheet 35).

По мнению В.Л. Мыца, строительство башни, вероятно, осуществлялось местными мастерами под наблюдением генуэзских фортификаторов. Результаты анализа линейных мер, применённых при возведении Орта-Куле, дали ему основание высказать предположение о том, что инженерно-строительные расчёты при проектировании данного здания выполнялись с использованием каффинской меры длины «пикко» (= 0,852 м) и генуэзской — «браччо» (= 0,58 м) (Мыц 2002: 163—165).

Башни, подобные Орта-Куле, получили достаточно широкое распространение в близких по времени крепостях полуострова, особенно, принадлежавших генуэзцам (Бочаров 1998: рис. 1—20; Лопушинская 1991: рис. 3; 23; 24; 39; 51), впрочем, довольно успешно применялись они также их основным противником, феодоритами, но при этом отличались фортификационной мощью и величиной — были менее крупными и более низкими (Кирилко 2005: 132—134).

Чатал-Куле. Наземная часть башни к настоящему времени утрачена почти полностью. Скрытые культурным слоем кладки сооружения раскопками не исследовались, хотя бытует мнение, что в середине 60-х годов про-

шлого века они местами подверглись зачистке, о конкретных результатах которой, впрочем, ничего не известно.

Начиная с П.И. Кёппена, впервые опубликовавшего план крепости (рис. 9), и которому вполне можно доверять, убедительным подтверждением чему является синхронный пример графической фиксации укрепления Фуны тем же исполнителем (Кирилко 2004: 64, 68), современными исследователями башня традиционно считается и изображается шестигранной, причём с такой же конфигурацией внутреннего пространства (Мыц 1991: рис. 5; 2009: рис. 172; Бочаров 2004: рис. 4; Тесленко 2005а: рис. 1). Последнее небесспорно, поскольку, согласно чертежу, выполненному спустя лишь несколько лет после обрушения половины здания в 1830 г. (Фирсов 1990: 70), Чатал-Куле внутри была круглой, что представляется более правдоподобным.

Однако нельзя исключать вероятности и того, что башня могла иметь иную внешнюю форму — октагональную, о чём косвенно свидетельствует схематичный обмер остатков данной постройки (рис. 57), предпринятый инженером в чине штабс-капитана Таргонским тридцатью годами позднее, с 13 апреля по 25 мая 1866 г., накануне предстоящей разборки верхней части руин (ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1167. Л. 21, 23, 32, 35). Обозначенные им фасадные поверхности смежных стен постройки сведены между собой под углом 135°, что характерно для правильных восьмигранников. При этом внутренний абрис уцелевшего фрагмента сооружения криволинейный и, следовательно, мог принадлежать круглому в плане помещению.

Размеры здания В.Л. Мыц определяет примерно по невыразительным остаткам кладки южной стены, ещё недавно выступавших на поверхности земли — 12×12 м (Мыц 2002: 140). На мой взгляд, введённые в научный оборот габариты строения немного завышены и не могут быть равными в ширину и длину. На плане П.И. Кёппена Чатал-Куле изображена приблизительно одинаковой величины с Ашага-Куле, диаметр которой составляет 9,00—9,20 м. Не противоречат этому и сведения Таргонского, чётко указавшего протяжённость уцелевшей грани — 5 аршинов (= 3,56 м), что, в свою очередь, позволяет относительно точно реконструировать остальные размеры здания, которое снаружи, вероятнее всего, всё-таки было шестиугольным: ширина — 7,11 м, длина — 6,22 м, диаметр внутреннего пространства — 3,00 м, толщина стен — 1,65—2,10 м.

По мнению В. Л. Мыца, постройка завершалась зубчатым парапетом на навесных кронштейнах с машикули, отчего якобы и получила у местного населения своё название — «Рогатая»²¹ (Мыц 2002: 140). В определённой степени ей подобна Чоргунская башня, двенадцатигранная в плане с круглым внутренним пространством, которая обычно датируется XVI—XVII вв., хотя гипотетически предполагается её возведение в 40-е годы XV в., при участии венецианских фортификаторов (Мыц 2009: 199—207, рис. 95—100). Причём, привлекая данное сооружение в качестве аналогии, как типологически близкое, исследователь неожиданно называет Чатал-Куле восьмигранной, но вскоре, в этой же публикации, возвращается к общепринятой трактовке здания (Мыц 2009: 203, 290). Остальные, из числа известных, многоугольные башни средневекового Крыма представлены всего двумя разновременными постройками генуэзской Каффы XIV в., в основу планов которых положены правильные геометрические фигуры — гексагон и октагон (Бочаров 1998: 86, 89—91, рис. 2, 8).

На мой взгляд, самой близкой аналогией Чатал-Куле является шестигранная башня османской крепости Богаз-Кёсен (совр. Румели-Хисар), возведённой Мехмедом II на западном берегу пролива Босфор в 1452 г. (Рансимен 1983: 69; Żygulski 1988: 90—91, rys. 69—70). Во многом ей подобна ещё одна стамбульская постройка (рис. 58), которая также была угловой, вероятно, круглой внутри, без машикули и предназначалась для размещения артиллерийских орудий, однако несколько

Рис. 58. Шестигранная башня в Стамбуле. 2009 г. Фото Дика Оссемана, <http://www.pbase.com/dosseman/image/120772799>.

Fig. 58. Hexagonal Tower in Istanbul. 2009. Photo by Dick Osseman, <http://www.pbase.com/dosseman/image/120772799>.

отличалась своим положением относительно ограды и характером примыкания к ней оборонительных стен.

Крепостные стены. Ограда крепости с напольной стороны состояла из двух куртин, соединивших между собой башни.

Традиционно считается, что оборонительная стена между Чатал-Куле и Орта-Куле, остатки которой почти полностью перекрыты современной застройкой, имела прямолинейное начертание и именно так она обычно изображается на плане крепости (рис. 11). Её протяжённость — 80 м. Сооружение сохранилось плохо, раскопками исследовано частично (Мыц 1987: 17—18; Мыц и др. 1993а: 6, 29).

В настоящий момент известно всего два фрагмента данной куртины. Один из них находится на расстоянии 16,50 м от Чатал-Куле и представляет собой небольшой участок сильно повреждённого лицевого слоя кладки, обозначившего излом оборонительной линии

²¹ Поскольку при этом остальные башни им же, как, впрочем, и другими исследователями, обычно и столь же априорно также реконструируются с машикули (Фирсов 1990: 71—72; Мыц 1991: 57; 2002: 166; Бочаров 2004: рис. 5, 6), данная версия представляется малоубедительной. Возможно, руины постройки образовывали большие вывалы кладки посередине стен и своей формой действительно напоминали рога, либо, вероятнее всего, подразумевались сведённые по отношению к ней под острым углом куртины, вдоль которых улица, что вела к башне, раздваивалась, образуя своеобразную рогатку — «чатал» (крымскотатарско-русский словарь даёт следующие варианты перевода слова — 1) рогатина, 2) развилина, разветвление). Следовательно, в основу названия положена исключительно топографическая особенность здания, что здесь, в свою очередь, применено также по отношению к остальным двум башням — Орта-Куле («Средней») и Ашага-Куле («Нижней»). Чатал-Куле, по сути, была «Угловой», а её тюркское имя вполне соотносимо с украинским прилагательным «наріжна» (е. g. — будівля, що розташована на розі вулиць).

Рис. 59. Северо-западный участок куртины между Чатал-Куле и Орта-Куле. Вид с запада. 2006 г. Фото И.Б. Тесленко.

Fig. 59. North-western part of the curtain between Chatal-Kule and Orta-Kule. View from the west. 2006. Photo by I.B. Teslenko.

Рис. 60. Юго-восточный участок куртины между Чатал-Куле и Орта-Куле. Вид с юго-запада (по Мыц 1987: рис. 4).

Fig. 60. South-eastern part of the curtain between Chatal-Kule and Orta-Kule. View from the south-west (after Мыц 1987: рис. 4).

(рис. 59)²². Он образует в этом месте входящий угол около 167° , который позволил, изменив направление ограды, обеспечить точное соединение с башней (рис. 13).

Второй фрагмент куртины сохранился непосредственно у Орта-Куле, прослеживается на протяжении 19 м (рис. 52; 60). Стена примыкает к квадратной башне сбоку под углом 107° встык, причём, её кладка по отношению к тыльному фасаду выступает наружу на 0,30 м, образуя своего рода раскреповку (рис. 48). Толщина крепостной ограды — 1,62 м. Рядом с Орта-Куле перепад уровней дневной поверхности у внешней и внутренней сторон куртины составлял около 3 м.

Восточный участок новой напольной стены, соединивший квадратную и круглую баш-

ни, в плане немного выпуклый. Практически полностью повторяя конфигурацию предшествовавшего ему сооружения, он отличается от того, более упругим начертанием оборонительной линии, что, вероятнее всего, было обусловлено необходимостью подвести ограду к башням под углом, близким к прямому (рис. 13). Интервал составляет — 0,75—2,80 м. Протяжённость куртины — 70 м.

Крепостная стена примыкает к Орта-Куле сбоку, заподлицо с тыльной стороной здания (рис. 48; 61; 62). Угол между ними равен 100° . Кладки сооружений на месте стыка между собой не перевязаны.

Возведению крепостной ограды у квадратной башни, как, впрочем, и самого здания, предшествовали значительные по объёму земляные работы — почти вертикальная подрезка склона и выравнивание основания (Мыц и др. 1993а: 6, 27—29, 31—32; Мыц, Семин 1995: 2—3; Тесленко, Семин 1999: 7—8). Перепад уровней дневной поверхности с внешней и внутренней сторон куртины здесь составляет 2,45—2,85 м. Грунт на строительной площадке снят чётко по линии стены на всю толщину культурного слоя, с час-

²² Остатки кладки оборонительной стены были случайно выявлены, а затем незамедлительно уничтожены при ремонте частного дома, выстроенного над ними. Сердечно благодарю коллегу А.В. Лысенко, обратившего моё внимание на данную находку, равно как за постоянную помощь в работе над монографией, в частности, содействие в поиске исторических изображений крепости и плодотворное обсуждение различного рода спорных вопросов по памятнику.

Рис. 61. Северо-западный конец куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Примыкание стены к средней башне. Вид с севера (по Мыц, Сёмин 1995: рис. 16).

Fig. 61. North-western end of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Wall abutment to the middle tower. View from the north (after Мыц, Сёмин 1995: рис. 16).

тичным заглублением в материк. Местами в результате осыпания рыхлых отложений выемка имеет обрывистый край и немного скошенный борт. Основанием является делювий глинистых сланцев.

Стена возведена практически без фундаментов, поставлена непосредственно на выровненную поверхность материка, уклон которого составляет 30—35° (рис. 63; 64; 69). Кладка нижней части куртины двухслой-

ная однолицевая. Там, где она не примыкала к борту вплотную, образовавшийся зазор заполнялся либо грунтом, либо (отмечено в одном месте, у башни) разномерным бутом с заливкой конструкции известковым раствором (рис. 48; 61).

На высоте 2,50—2,65 м от основания, на уровне дневной поверхности с тыльной стороны стены, характер кладки меняется (рис. 48; 61; 65—68). Она становится трёхслойной двухлицевой и приобретает толщину — 1,50—1,67 м. На этой же отметке появляется деревянный каркас в виде горизонтальной решётки (рис. 61; 62; 65). Он состоит из двух продольных поясов, из которых передний был полностью скрыт в кладке (по отношению к фасадной плоскости заглублён на 0,18 м), а задний, с тыльной стороны стены, расположен заподлицо с поверхностью куртины. Между собой те соединялись сверху, посредством врубки, поперечными перемычками с шагом 1,90 м (рис. 48; 65). Обвязка выполнена из бруса длиной свыше 3,5 м. Сечение деталей: поясов — 0,13×0,15 и 0,15 (0,18)×0,20 м, перемычек — 0,12×0,12 и 0,12×0,15 м.

Оборонительная стена сложена из крупного, почти не обработанного бута, преимущественно булыг, на известковом растворе с заполнением пустот мелким камнем. Её конструкция подобна кладке башен, но отличается определённой небрежностью выполнения в нижней части напольной стороны сооружения, где местами наблюдается неровная поверхность и уклон около 3—7° (рис. 63; 66).

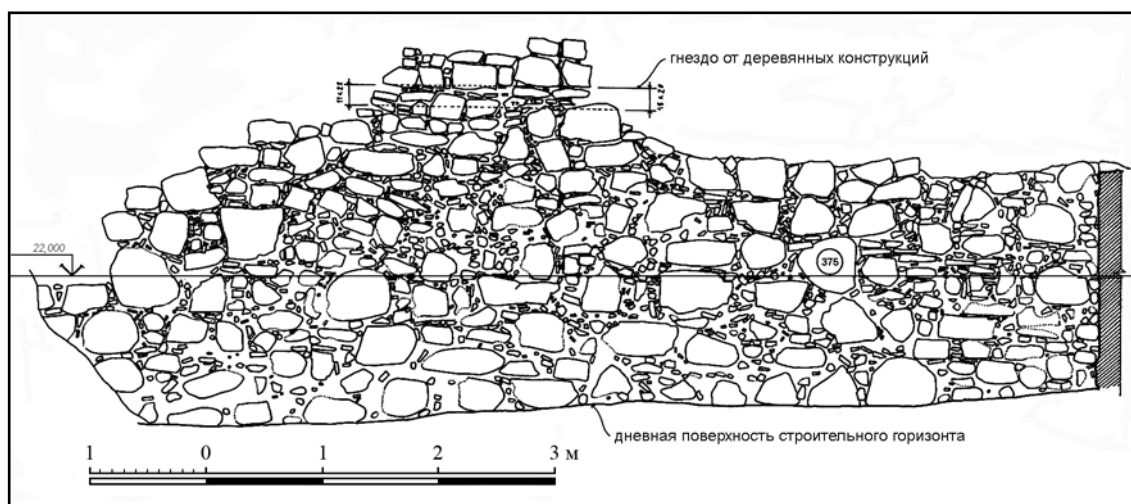

Рис. 62. Северо-западный конец куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Вид спереди, с северо-востока (по Мыц, Сёмин 1995: рис. 3).

Fig. 62. North-western end of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Front view, from the north-east (after Мыц, Сёмин 1995: рис. 3).

Рис. 63. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Вид спереди, с юго-востока (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 9).

Fig. 63. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Front view, from the south-east (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 9).

В качестве штучного кладочного материала при возведении крепостной ограды, видимо, использовались также сполы, которые, по аналогии с Орта-Куле, могли формировать угловые участки строения или обрамлять проёмы. По крайней мере, в слое разрушения куртины был найден «фрагмент изделия из травертина, имевшего форму параллелепипеда с прямоугольным углублением в одной из широких граней», с налипшим на поверхности сколов известковым раствором, предположительно интерпретированный исследователями как обломок верхней части надгробия (Тесленко, Сёмин 1999: 16).

По мнению исследователей, внешняя сторона крепостной ограды была тщательно оштукатурена (Тесленко, Сёмин 1999: 7—8), что маловероятно и, видимо, речь всё-таки должна идти о затирке швов и выравнивании поверхности кладки раствором.

Наряду с тем, что куртина примыкает к Орта-Куле без перевязки кладок, об их относительной одновременности не менее наглядно свидетельствует также заполнение пустот

строительной траншеи стены в контактной зоне (на смежных участках), которое несколько отличается цветом и структурой от подобной засыпки башни. В первом случае применён рыхлый серый грунт с известковой крошкой и повышенным содержанием продуктов горения, во втором — серо-красноватый грунт с включением известковой крошки, мелких редких угольков, створок мидий.

Перепад уровней дневной поверхности с напольной и тыльной сторон переднего участка крепостной ограды максимальную величину имеет у Орта-Куле, но в южном направлении существенно уменьшается и местами, возможно, почти отсутствовал либо был незначительным (рис. 33).

Место соединения напольной куртины с Ашага-Куле в настоящее время застроено и недоступно для изучения. Визуально определяется лишь то, что она пристыкована к башне сбоку под прямым углом, непосредственно у замурованного с обеих сторон проёма первоначальных ворот (рис. 34).

Боковая куртина крепостной ограды, примыкавшая к Ашага-Куле с востока, построена без перевязки кладок не только к башне, но и к предшествовавшей ей оборонительной стене (рис. 34). Её толщина — 2,50 м. Сооружение сохранилось на высоту до 3,75 м. Характерной особенностью куртины является наличие водостока. Канал в сечении прямоугольный, находится на расстоянии 4 м от башни. Его размеры: высота — 0,15 м, ширина — 0,55 м, длина — 3,80 м. Сооружение устья водостока сопровождалось частичной разборкой и перекладкой ранней стены. Появление самого канала, вероятнее всего, было обусловлено утратой прежней возможности удаления ливневых потоков с городской территории через специальное отверстие в замурованном проёме ворот у башни, на что могли повлиять новые фортификационные строения напольной стороны крепости, равно как и изменение уклона дневной поверхности внутри в результате дальнейшего функционирования кладбища (Мыц и др. 1993а: 18, 19).

Достоверных сведений о второй, западной, боковой стене новой крепостной ограды на данном этапе исследований нет. Её могло и не быть, причём по разным причинам, а защитники довольствовались предыдущим сооружением — каменной куртиной с грунтовым заполнением пустот конструкции и деревянным каркасом.

Попытки выяснить первоначальные размеры фортификационных сооружений внешней

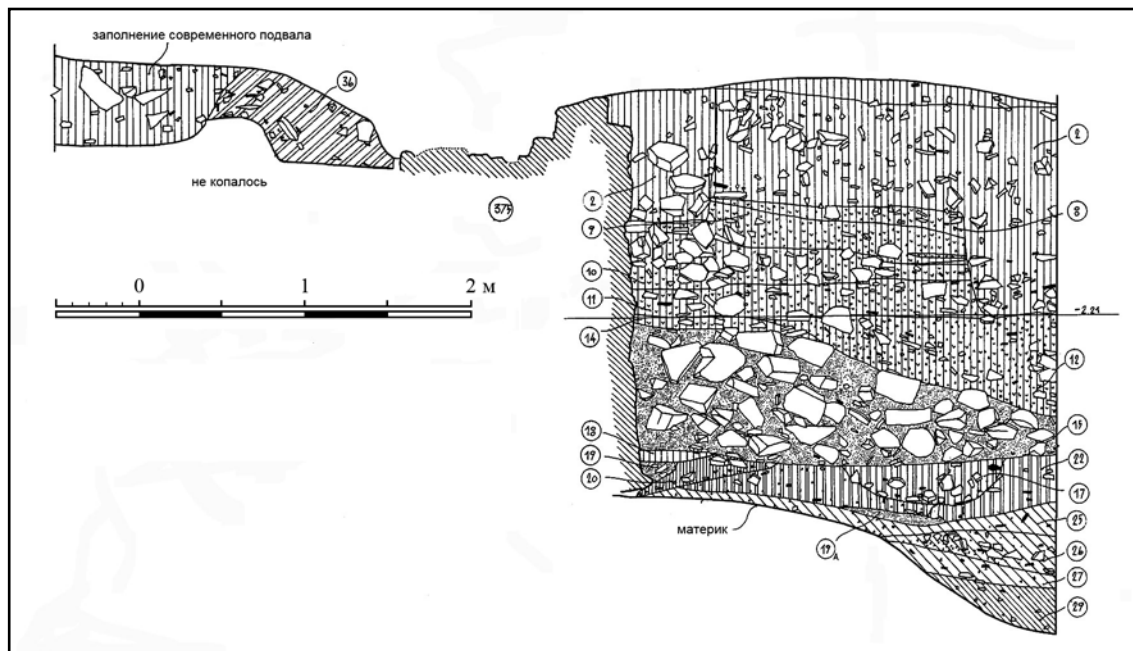

Рис. 64. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Стратиграфический разрез, вид с юго-востока (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 22).

Fig. 64. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Stratigraphic section, view from the south-east (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 22).

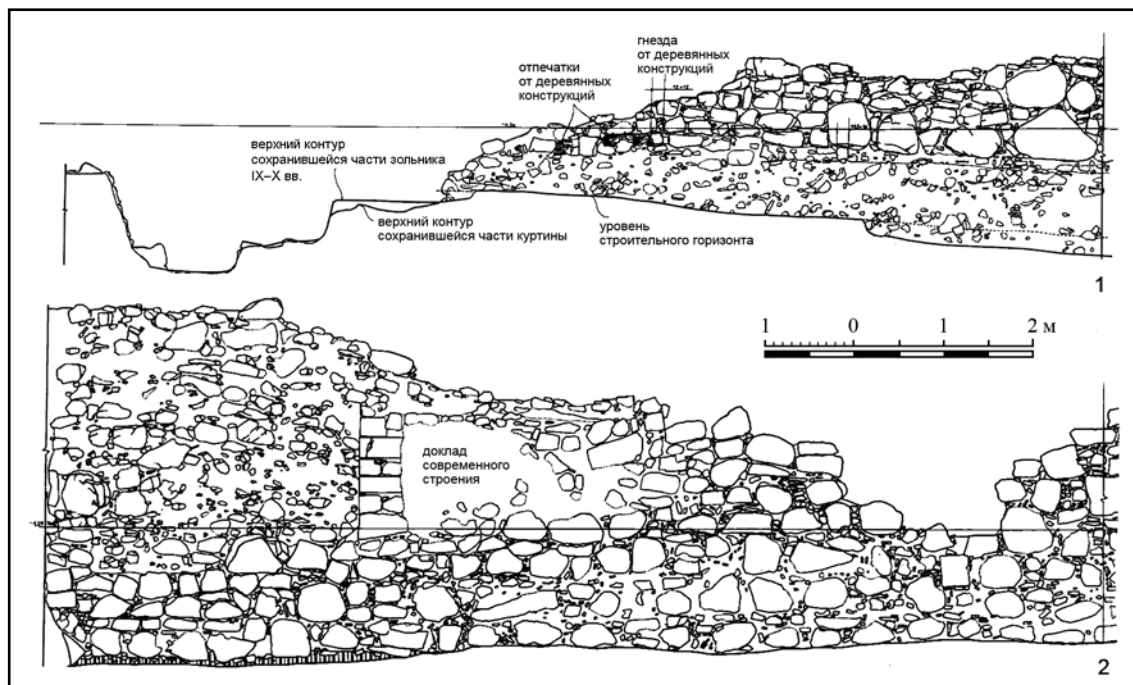

Рис. 65. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле: 1 — вид сзади, с юго-запада; 2 — вид спереди, с северо-востока (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 10).

Fig. 65. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule: 1 — rear view, from the south-west; 2 — front view, from the north-east (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 10).

линии обороны исследователями предпринимались неоднократно. Согласно выводам А.А. Артёмова, высота стен была более 8 м (Артёмов 1985: 273). Судя по остаткам юж-

ной куртины, Л.В. Фирсов считал, что «оборонительные стены крепости возвышались над основанием на 8—10 м (Фирсов 1990: 70). По мнению В.Л. Мыца, их высота возле ква-

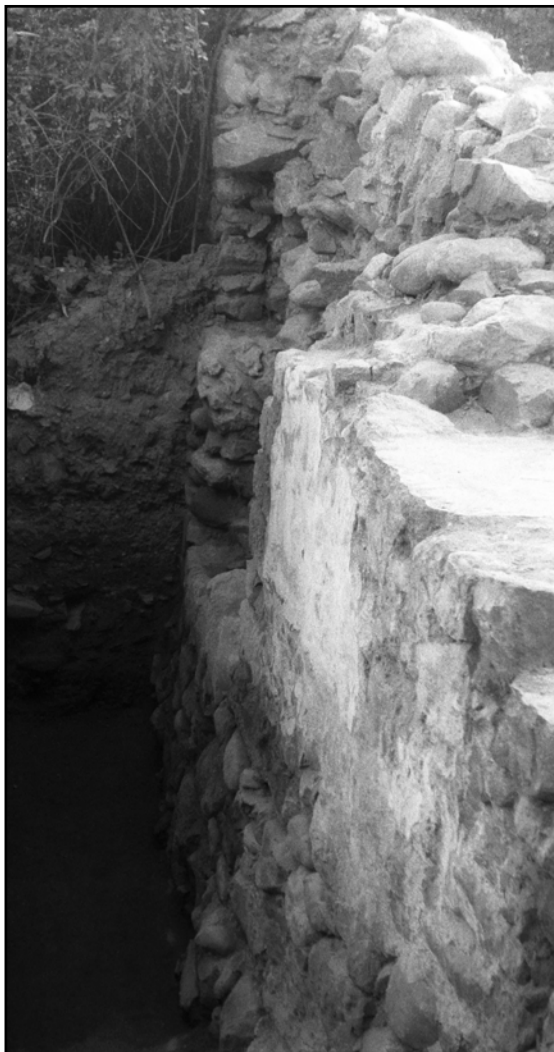

Рис. 66. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Вид спереди, с северо-запада (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 8).

Fig. 66. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Front view, from the north-west (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 8).

дратной башни составляла примерно 11,5 м, а уровень боевого хода совпадал с её вторым этажом и находился в 9,5 м от дневной поверхности (Мьц 2002: 147).

Крепостные стены передней линии обороны поддаются вполне достоверной реконструкции. Исходя из функциональной целесообразности и общепринятой практики, боевой ход ограды и пол второго этажа Орта-Куле, вероятнее всего, действительно должны были находиться на одном уровне. Следовательно, высота обороны куртин непосредственно у башни составляла около 5,70 м. При условии, что парапет и мерлоны были стандартными (Кирилко 2005: 110—111), стены в этой части крепости снаружи возвышались на 7,5—8,0 м, но на остальных местах,

Рис. 67. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Вид сзади, с северо-запада (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 7).

Fig. 67. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Rear view, from the north-west (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 7).

по мере удаления, в зависимости от рельефа могли иметь иные параметры.

Крепостные ворота. Вскоре после возведения круглой башни первоначальный вход в крепость генуэзского времени был упразднён и заложен с обеих сторон, в результате чего воротное полотно оказалось полностью замурованным внутри кладки (рис. 34). При этом в нижней части конструкции предусмотрено сквозное прямоугольное отверстие, позволявшее удалять ливневые потоки с городской территории (рис. 39). Размеры канала: высота — 0,15 м, ширина — 0,22 м, длина — 1,05 м. Перепад уровней порога и водостока составляет 0,15 м.

С полным обновлением напольной линии обороны, безусловно, возникла потребность и в новом въезде на укрепленную территорию. Несмотря на относительно неплохую изученность памятника, крепостные ворота последнего строительного периода ни историографическими изысканиями, ни раскопками до сих пор не выявлены. По мнению Л. В. Фирсова, они, видимо, находились возле шестиугольной башни и «о них можно судить по старой дороге, которая сейчас представляет собой одну из кривых улочек Алушты» (Фирсов 1990: 70). Однако археологические исследования убедительно показали, что со-

Рис. 68. Северо-западный участок куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Стратиграфический разрез у первоначальной потерны, вид с северо-запада (по Тесленко, Семин 1999: рис. 20).

Fig. 68. North-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Stratigraphic section at the initial postern, view from the north-west (after Тесленко, Семин 1999: рис. 20).

временная и средневековая планировки города между собой не совпадают (Мыц 1986: 25—26). Несмотря на это, автор раскопок также склонен считать, что, вероятнее всего, крепостные ворота располагались у Чатал-Куле, с юго-восточной стороны башни, поскольку те на исследованных вблизи Орта-Куле участках ограды не обнаружены (Мыц 2002: 162). На мой взгляд, помимо топографии памятника данному выводу, прежде всего, противоречит размещение единственной бойницы наземного яруса средней башни, контролировавшей совершенно иное направление, надо полагать, более уязвимое в обороне укрепления.

При полном отсутствии достоверных сведений о точном местонахождении новых крепостных ворот для локализации сооружения первостепенное значение, действительно, приобретает архитектура Орта-Куле — мощной башни с прямоугольными в плане внутренними и внешними очертаниями, занимавшей ключевое положение в оборонительной структуре города. Характерной особенностью данного строения является то,

что наземный этаж имел всего одну боевую позицию, которая располагалась сбоку и была ориентирована в сторону дороги, надёжно защищая подъезд и напольную территорию на ближних подступах к укреплению.

Перепад уровней дневной поверхности снаружи и внутри ограды, который максимальное значение имеет у средней башни, по направлению к Ашага-Куле существенно уменьшается и местами почти отсутствовал, и здесь, на недоступном пока для изучения участке крепостного полигона, вполне могли находиться городские ворота (рис. 13).

Косвенным подтверждением данного предположения является отмеченное раскопками благоустройство территории, непосредственно примыкающей к ограде снаружи между квадратной и круглой башнями. Вопреки тому, что существенный уклон основания перед куртиной сам по себе являлся естественным препятствием для неприятеля и ощути-мо затруднял подступы к крепости, дневная поверхность строительного горизонта здесь, тем не менее, после возведения оборонительной стены тщательно выровнена посредством

Рис. 69. Благоустройство напольной территории у северо-западного участка куртины между Орта-Куле и Ашага-Куле. Вид с северо-запада, сверху (по Тесленко, Сёмин 1999: рис. 14).

Fig. 69. Development of the field-side territory at the north-western part of the curtain between Orta-Kule and Ashaga-Kule. Top view from the north-west (after Тесленко, Сёмин 1999: рис. 14).

мощной грунтовой насыпи (рис. 64; 68)²³, как считают исследователи, «с целью организации проезда» (Тесленко, Сёмин 1999: 65).

Достаточно любопытным выглядит одно из сооружений данной площадки, выявленное раскопками в непосредственной близости от крепостной ограды (рис. 64; 68; 69). Оно представляет собой траншею, расположенную вдоль куртины с напольной стороны, и интерпретировано исследователями как водосливная канава. Размеры выемки: ширина — 0,85—1,00 м, максимальная глубина — 0,25 м, уклон дна — около 3° в южном направлении, расстояние до стены — 0,50—1,40 м. На момент разрушения куртины траншея почти полностью была заполнена плотным коричневым грунтом со значительным количеством

²³ Чтобы удержать подобную насыпь, необходима основательная подпорная стена, если, конечно, резко скошенная поверхность материка не принадлежала внутреннему борту раннегенуэзского рва, впоследствии заполненного грунтом.

гальки, разномерным бутом, разрозненными фрагментами керамики VIII—XV вв., костями животных и угольками, отмечены редкие включения деструктурированного известкового раствора (Тесленко, Сёмин: 17—18, рис. 11).

На мой взгляд, назначение выемки определяют функциональная целесообразность, чётко выраженное понижение уровня дна по направлению к укреплению, и, главным образом, отсутствие на её поверхности иловых осадков в виде дисперсных отложений грунта и промоин, характерных для ливневых водосточков. Данное сооружение, вероятнее всего, предназначалось под керамический водопровод, так и не проложенный или впоследствии полностью демонтированный. Причём, судя по конфигурации жёлоба и его наметившемуся смещению к ограде (Тесленко, Сёмин 1999: рис. 11), есть основание предполагать неподалёку местонахождение собственно крепостных ворот, проёмы которых обычно использовались для прокладки инженерных коммуникаций.

Наряду с весьма показательной ориентацией единственной боевой позиции наземного этажа башни Орта-Куле, контролирующей подходы к указанной зоне, ещё одним, также косвенным, свидетельством данной локализации является расположение этого участка практически напротив входа в цитадель, на одной оси с улицей между кварталами (рис. 13).

В свою очередь, предполагаемое размещение здесь крепостных ворот могло обусловить частичную разборку до основания предыдущей оборонительной стены (рис. 13; 32), что эффективно позволяло использовать возникший пролом для внутреннего въезда на территорию крепости, а промежуток между куртинами в качестве своеобразного захвата. Подобное отношение к более ранним сооружениям, сопровождавшееся небрежной ломкой приспособляемых кладок, в фортификации средневекового Крыма не является чем-то исключительным, что подтверждается двумя яркими примерами генуэзского Чембало, также датированными 60-ми годами XV в. В одном случае, чтобы обеспечить доступ к пушечной амбразуре в новом барбакане башни у крепостных ворот, строители совершенно бесцеремонно, явно не задумываясь о внешнем виде здания, пробили обычную дыру в первоначальной стене, препятствовавшей использованию артиллерийской позиции (Адаксина, Кирилко, Мыц 2005: 31, рис. 33; 69). Столь же прагматично завершилась и реконструкция барбакана башни Барнабо

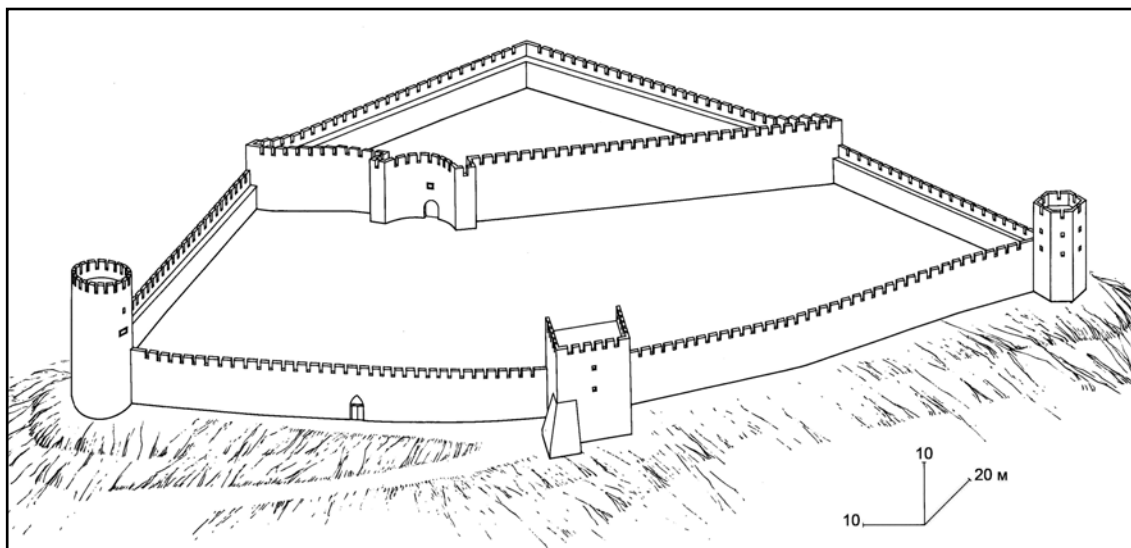

Рис. 70. Крепостной ансамбль средневековой Алушты. Реконструкция. Вид с северо-востока. Чертёж автора.

Fig. 70. Fortress complex of the Medieval Alushta. Reconstruction. View from the north-east. Drawing by the author.

Грилло, после которой внутри двора остались возвышаться живописные руины предыдущей, полностью упразднённой, крепостной ограды (Адаксина, Кирилко, Мыш 2004: 40—42, рис. 5, 10, 39—42; 2005: 31, рис. 5, 8, 11).

Результаты исследований дают основание считать, что в настоящий момент о местонахождении и внешнем виде крепостных ворот генуэзской Лусты можно судить главным образом предположительно, основываясь на косвенных признаках, частично сохранившихся формах отдельных, соотносимых с ними, объектов и более или менее близких аналогиях. Учитывая же существенную фрагментарность выявленных раскопками сооружений, полученные выводы являются предварительными и, безусловно, в дальнейшем, при обнаружении новых артефактов, подлежат корректировке.

Заключение

Оценка уровня современных знаний о последних крепостных воротах, в сущности, ключевом объекте в системе обороны города, весьма показательна и сопоставима с общим состоянием исследованности всего памятника. Подводя итоги изучению фортификационного ансамбля средневековой Алушты, с сожалением и огорчением приходится констатировать наличие ощутимых лакун в материалах раскопок и утрату существенной части научной информации в результате беспорядочной хозяйственной деятельности, непосредственно связанных с ны-

нешним освоением территории памятника новыми владельцами, а по сути, очередным захватом крепости, что придаёт данной работе не только актуальность, но обуславливает определённую фрагментарность содержания, априорность отдельных выводов и очевидную незавершённость всего труда. Впрочем, ситуация не безнадежна и дальнейшие, целенаправленные, археологические раскопки способны её исправить, позволив получить недостающие сведения о памятнике.

На данном этапе исследований о внешнем виде оборонительных сооружений средневековой Алушты удаётся судить лишь предположительно (рис. 70). Однако вполне уверенно можно утверждать, что усилиями нескольких поколений строителей, использовавших классические формы и устоявшиеся фортификационные приёмы, был создан неповторимый крепостной ансамбль. Он соединил в себе как основные, для каждого владельца крепости, достижения собственного оборонного зодчества, истоки которого обычно находились далеко, так и, нередко, местные традиции и наиболее успешные наработки, располагавшегося по соседству, противника.

Не менее насыщенным историческими перипетиями и превратностями, отразившимися на архитектурном облике крепости, является её существование. Начало ему, созданию на крымском побережье важного форпоста могущественной державы, было положено императором Юстинианом I. Спустя века это укрепление, неоднократно сменившее правителей, будучи давно потерянным для Византии, вновь, но уже в качестве военного

трофея османского султана Мехмеда II, вернулось под власть Константинополя, словно для того, чтобы окончательно, вместе с прошлым, утратить своё предназначение и превратиться в захолустное местечко с живописными руинами башен и стен, как напоминающие о былой мощи.

В завершение о главном по теме, без привязки к личностям и реалиям. Наглядный при-

мер общности судеб победителей и побеждённых нередко демонстрирует, получив воплощение в конкретных памятниках, сама жизнь, когда блистательный полководец, добившись успеха в, казалось бы, решающем сражении, взамен теряет практически всё, что прежде было значимым — соратников, завоевания и славу, а, пожалуй, и то, ради чего, собственно, затевался великий поход.

Литература

- Адаксина С.Б. 1993. Исследования крепости Алустон в 1992 году. *Отчётная археологическая сессия. Май 1993 г.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 19—20.
- Адаксина и др. 1994: Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Лысенко А.В., Мыц В.Л., Татарцев С.В., Тесленко И.Б., Семин С.В. 1994. Исследования крепости Алустон. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1993 год.* Симферополь: Таврия, 10—15.
- Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Мыц В.Л. 2004. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г.* Санкт-Петербург; Симферополь: Государственный Эрмитаж.
- Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Мыц В.Л. 2005. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году.* Санкт-Петербург; Симферополь: Государственный Эрмитаж.
- Артемченко А.А. 1985. Крымская область. В: Игнаткин И.А. (отв. ред.). *Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Иллюстрированный справочник-каталог 2.* Киев: Будівельник, 260—333.
- Бочаров С.Г. 1998. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — вторая половина XV вв.). В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века 3.* Санкт-Петербург: Алетей, 82—116.
- Бочаров С.Г. 2004. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV вв. Южный берег Крыма. В: Мыц В.Л. (гл. ред.). «О древностях Южного берега и гор Таврических». Киев: Стило, 186—204.
- Веймарн Е.В. 1957. *Дневник археологических работ Бахчисарайского горного отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМК АН СССР и ГМИИ им. Пушкина. 1947 г.* Архив КФ ИА НАНУ. № А.1/3.
- Гаркави А.Я. 1891. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. *Труды IV археологического съезда в России 2.* Казань, 241—256.
- Домбровский О.И. 1974. Средневековые поселения и «Исары» Крымского Южнобережья. В: Бибииков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма.* Киев: Наукова думка, 5—56.
- Дюбуа де Монпере Ф. 2009. *Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым.* Т. 5, 6. Перев., предисл. и примеч. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Иванов А.В. 2001. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-Западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч. В: Паршина О.О. (ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї.* Київ: Стило, 221—234.
- Кёппен П.И. 1837. *Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических.* Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.
- Кирилло В.П. 2004. Демерджинское укрепление. В: Мыц В.Л. (гл. ред.). «О древностях Южного берега и гор Таврических». Киев: Стило, 65—71.
- Кирилло В.П. 2005. *Крепостной ансамбль Фуны (1423—1475 гг.).* Киев: Стило.
- Когонашвили К.К., Махнева О.А. 1971. *Алустон и Фуна.* Симферополь: Крым.
- Коковцев П.К. 1932. *Еврейско-хазарская переписка в X в.* Ленинград: АН СССР.
- Крамаровский М.Г. 2003. Джучиды и Крым: XIII—XV вв. В: Айбабин А.И., Зинько В.Н. (ред.-сост.). *МАИЭТ X.* Симферополь: Таврия, 506—532.
- Крамаровский М.Г. 2009. Крым в системе административного устройства Золотой Орды. В: Усманов М. (науч. ред.). *История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 436—448.
- Крикун Е.В. 1977. *Архитектурные памятники Крыма.* Симферополь: Таврия.
- Лопушинская Е.И. 1991. *Крепость в Судак.* Киев: Будівельник.
- Мальгина М.Р. 2006. *Виды Крыма первой половины XIX века. Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея.* Симферополь: Сонат.
- Мыц В.Л. 1985. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1984 году.* Архив КФ ИА НАНУ. № 232.
- Мыц В.Л. 1986. *Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1985 году.* Архив КФ ИА НАНУ. № 235.
- Мыц В.Л. 1987. *Отчет об археологических исследованиях укреплений Алустон и Фуна в 1986 году.* Архив КФ ИА НАНУ. № 236.
- Мыц В.Л. 1988. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1987 году.* Архив ИА НАНУ. №1987/27.
- Мыц В.Л. 1989а. Основные этапы развития средневековой Алушты. В: Толочко П.П. (відп. ред.). *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР.* Київ: Наукова думка, 151—152.
- Мыц В.Л. 1989б. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1988 году.* Архив КФ ИА НАНУ. № 1404.
- Мыц В.Л. 1991. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка.
- Мыц В.Л. 1997. Ранний этап строительства крепости Алустон. *ВВ 57 (82).* Москва: Индрик, 187—203.
- Мыц В.Л. 2002. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50—70-е гг. XV в. В: Рудницкая В.Г., Теслен-

- ко И. Б. (сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стило, 139—189.
- Мыц В. Л., Адаксина С. Б. 1992. *Отчет об археологических исследованиях на крепости Алустан в 1991 году*. Архив ИА НАНУ. №1991/11.
- Мыц В. Л., Адаксина С. Б., Кирилко В. П. 1993. *Отчет о раскопках средневековой крепости Алустан в 1992 г.* Архив КФ ИА НАНУ. №296.
- Мыц и др. 1993а: Мыц В. Л., Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б. 1993. *Отчёт о раскопках средневековой крепости Алустан в 1993 г.* Архив КФ ИА НАНУ. № 793.
- Мыц и др. 1993б: Мыц В. Л., Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б. 1993. *Отчёт о раскопках средневековой крепости Алустан в 1993 г. Полевые материалы*. Архив КФ ИА НАНУ. № 1458.
- Мыц и др. 1997: Мыц В. Л., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б. 1997. *Исследования крепости Алустан*. В: Кутайсов В. А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь: Сонат, 205—210.
- Мыц В. Л., Семин С. В. 1995. *Отчет об архитектурно-археологических преедреставацонных исследованиях средневекового укрепления Алустан в 1994 году (участок башни Орта-Куле)*. Архив КФ ИА НАНУ. № 346.
- О сохранении 1872: О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных. 1872. ЗООИД VIII, 363—403.
- Паллас П. С. 1999. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах*. Москва: Наука.
- Пейзажи 2003: *Пейзажи и достопримечательности Крыма в рисунках Карло Боссоли*. 2003. Сост. Е. Б. Вишневецкая. Киев: Мистецтво.
- Полун С. С. 1981. *Феодосійська картинна галерея ім. І. К. Айвазовського*. Київ: Мистецтво.
- Прокопий Кесарийский. 1939. О постройках. Пер. с греч. С. П. Кондратьева. *ВДИ* (4), 203—298.
- Протоколы 1899: Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. ИТУАК 30, 108—118.
- Путешествие 1881: Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. ЗООИД XII, 62—208.
- Рансимен С. 1983. *Падение Константинополя в 1453 г.* Москва: Наука.
- Сидоренко В. А. 1981. *Отчет о предварительном исследовании архитектурно-археологического памятника средневековой крепости Алустан*. Архив КФ ИА НАНУ. № 1007.
- Сидоренко В. А. 1982. *Отчет об археологических исследованиях Алуштинской крепости в 1981 г.* Архив ИА НАНУ: Крым, 1981/3ж.
- Струков Д. М. 1872. *Отчёт о поездке в Крым в 1871 г.* Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 35.
- Тесленко И. Б. 2005а. *Производство поливной керамики в крепости Алустан (Крым)*. В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Киев: Стило, 324—348.
- Тесленко И. Б. 2005б. *Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии)*. В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Киев: Стило, 385—410.
- Тесленко И. Б., Семин С. В. 1999. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Алустан в 1998 году*. Архив КФ ИА НАНУ. № 851.
- Тункина И. В. 2002. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.)*. Санкт-Петербург: Наука.
- Фирсов Л. В. 1990. *Исары: Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Băjenaru C. 2010. *Minor fortifications in the Balkan-danubian area from Diocletian to Justinian*. Cluj-Napoca: Editura Mega.
- Salch C.-L. 1978. *L'Atlas des villes et villages fortifiés en France (Moyen Age)*. Strasbourg: Editions Publitotal.
- Żygulski Z. 1988. *Sztuka turecka*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

References

- Adaksina, S. B. 1993. In *Otchetnaia arkheologicheskaja sessiia. Mai 1993 g. (Reporting Archaeological Session. May 1993)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 19—20 (in Russian).
- Adaksina, S. B., Kirilko, V. P., Lysenko, A. V., Myts, V. L., Tatartsev, S. V., Teslenko I. B., Semin S. V. 1994. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu 1993 god. (Archaeological Research in the Crimea in 1993)*. Simferopol: "Tavria" Publ., 10—15 (in Russian).
- Adaksina, S. B., Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2003 g. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Chembalo (Balaklava) in 2003)*. Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).
- Adaksina, S. B., Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2004 godu (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Chembalo (Balaklava) in 2004)*. Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).
- Artemenko, A. A. 1985. In *Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoi SSR. Illiustrirovannyi spravochnik-katalog (Monuments of Urban Construction and Architecture in the Ukrainian SSR. Illustrated Reference Book — Catalogue) 2*. Kiev: "Budivelynyk" Publ., 260—333 (in Russian).
- Bocharov, S. G. 1998. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages) 3*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ., 82—116 (in Russian).
- Bocharov, S. G. 2004. In «*O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh*» ("On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica"). Kiev: "Stilos" Publ., 186—204 (in Russian).
- Veimarn, E. V. 1957. *Dnevnik arkheologicheskikh rabot Bakhchisaraiskogo gornogo otriada Tavro-Skifskoi ekspeditsii IIMK AN SSSR i GMII im. Pushkina. 1947 g. (Journal of Archaeological Activities by the Bakhchisaray Mountain Team of the Tauro-Scythian Expedition of the USSR Academy of Sciences Institute of History of Material Culture and Pushkin State Museum of Art History. 1947)*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. A.1/3 (in Russian).
- Garkavi, A. Ia. 1891. In *Trudy IV arkheologicheskogo s'ezda v Rossii (Proceedings of the 4th Archaeological Meeting in Russia) 2*. Kazan, 241—256 (in Russian).
- Dombrovskii, O. I. 1974. In *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma (Feudal Taurica. Proceedings on History and Archaeology of Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 5—56 (in Russian).
- Dubois de Montpéreau, F. 2009. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym (Voyage*

- across the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, in Georgia, Armenia and Crimea). Vol. 5, 6. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).
- Ivanov, A.V. 2001. In *Mors'ka torhivlya v Pivnichnomu Prychornomor'i (Sea Trade in Northern Black Sea Region)*. Kiev: "Stilos" Publ., 221—234 (in Russian).
- Köppen, P.I. 1837. *Krymskii sbornik. O drevnostiakh iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Crimea Collected Works. On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Tauric Mountains)*. Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2004. In «O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh» («On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica»). Kiev: "Stilos" Publ., 65—71 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2005. *Krepostnoi ansambl' Funa 1423—1475 gg. (Fortress Ensemble of Funa in 1423—1475)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).
- Kogonashvili, K.K., Makhneva, O.A. 1971. *Aluston i Funa (Aluston and Funa)*. Simferopol: "Krym" Publ..
- Kokovtsev, P.K. 1932. *Evreisko-khazarskaia perepiska v X v. (Jewish — Khazar Correspondence in 10th c.)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Proceedings on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* Kh. Simferopol: "Tavriia" Publ., 506—532 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2009. In *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tartars from the Earliest Days, in Seven Volumes)*. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochid Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th cc.). Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 436—448 (in Russian).
- Krikun, E.V. 1977. *Arkhitekurnye pamiatniki Kryma (Architectural Monuments of Crimea)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).
- Lopushinskaia, E.I. 1991. *Krepost' v Sudake (The Fortress in Sudak)*. Kiev: "Budivelnik" Publ. (in Russian).
- Mal'gina, M.R. 2006. *Vidy Kryma pervoi poloviny XIX veka: Katalog litografii iz sobraniia Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia (Images of Crimea of the First Half of 19th Century: Catalogue of Lithographs from the Collection of Crimean Republican Regional Museum)*. Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).
- Myts, V.L. 1985. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1984 g. (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1984)*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. no. 232 (in Russian).
- Myts, V.L. 1986. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh srednevekovykh ukrepleni Aluston i Funa v 1985 godu. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortifications Aluston and Funa in 1985)*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 235 (in Russian).
- Myts, V.L. 1987. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh ukrepleni Aluston i Funa v 1986 godu (Report on Archaeological Research of Fortifications Aluston and Funa in 1986)*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 236 (in Russian).
- Myts, V.L. 1988. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1987 g. (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1987)*. Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 1987/27 (in Russian).
- Myts, V.L. 1989. In *Problemi istorii ta arkheologii davn'ogo naseleennia Ukraini's'koï RSR (Issues of History and Archaeology of the Ancient Population of the Ukrainian SSR)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 151—152 (in Russian).
- Myts, V.L. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1988 g. (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1988)*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 1991/11 (in Russian).
- Myts, V.L., Adaksina, S.B., Kirilko, V.P. 1993. *Otchet o raskopkakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1992 g. (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1992)*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 296 (in Russian).
- Myts, V.L., Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Lysenko, A.V., Semin, S.V., Teslenko, I.B. 1993. *Otchet o raskopkakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1993 g. (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1993)*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 793 (in Russian).
- Myts, V.L., Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Lysenko, A.V., Semin, S.V., Teslenko, I.B. 1993. *Otchet o raskopkakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1993 g. Polevye materialy (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1992. Field Materials)*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 1458 (in Russian).
- Myts, V.L., Lysenko, A.V., Semin, S.V., Teslenko, I.B. 1997. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god (Archaeological Research in the Crimea in 1994)*. Simferopol: "Sonat" Publ., 205—210 (in Russian).
- Myts, V.L., Semin, S.V. 1995. *Otchet ob arkhitekurno-arkheologicheskikh predrestavratsionnykh issledovaniakh srednevekovogo ukrepleni Aluston v 1994 godu (uchastok bashni Orta-Kule) (Report on Architectural and Archaeological Pre-Restoration Research on the Medieval Fortress of Aluston in 1994 (in the part of Orta-Kule Tower))*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 346 (in Russian).
- O sokhraneni i vozobnovlenii v Krymu pamiatnikov drevnosti, i ob izdani opisaniia i risunkov onykh (On Preservation and Rehabilitation of Antiquities in the Crimea, and on Publication of Their Descriptions and Drawings). 1872. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* VIII, 363—403 (in Russian).
- Pallas, P.S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793—1794 godakh (Observations Made during the Travel through the Southern Viceregencies of Russian State in 1793—1794)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Peizazhi i dostoprimechatel'nosti Kryma v risunkakh Karlo Bossoli (Crimean Landscapes and Sights in Drawings by Carlo Bossoli). 2003. Kiev: "Mystetsvo" Publ. (in Russian).
- Polun, S.S. 1981. *Feodosijs'ka kartynna halereya im. I.K. Ajvazovs'koho (I.K. Ajvazovsky's Art Gallery in Feodosya)*. Kiev: "Mystetsvo" Publ. (in Ukrainian).
- Procopius of Caesarea. 1939. De aedificiis. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (4), 203—298 (in Russian).
- Protokoly zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii (Minutes of the sessions of Taurida Academic Archival Commission). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 30, 108—118 (in Russian).
- [Pallas, P.S.]. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*

- (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities) XII, 62—208 (in Russian).
- Runciman, S. 1983. *Padenie Konstantinopolia v 1453 g. (The Fall of Constantinople in 1453)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sidorenko, V.A. 1981. *Otchet o predvaritel'nom issledovanii arkhitekturno-arkheologicheskogo pamiatnika srednevekovoi kreposti Aluston (Report on Preliminary Study of the Medieval Fortress of Aluston as an Architectural-Archaeological Site)*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 1007 (in Russian).
- Sidorenko, V.A. 1982. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh Alushtinskoj kreposti v 1981 g. (Report on Archaeological Investigation on the Fortress of Alushta in 1981)*. Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences: Crimea, 1981/3zh (in Russian).
- Strukov, D. M. 1872. *Otchet o poezdke v Krym v 1871 g. (Report on the Travel to the Crimea in 1871)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 1, no. 35 (in Russian).
- Teslenko, I. B. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 324—348 (in Russian).
- Teslenko, I. B. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 385—410 (in Russian).
- Teslenko, I. B., Semin, S. V. 1999. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1998 godu (Report on Archaeological Investigations on the Medieval Fortress of Aluston in 1998)*. Archive of Crimean Branch of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences, no. 851 (in Russian).
- Tunkina, I. V. 2002. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII — serecina XIX v.) (Russian Science on the Classical Antiquities of the Southern Russia (18th — middle 19th cc.))*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Firsov, L. V. 1990. *Isary: Ocherki istorii srednevekovykh krepostei Iuzhnogo berega Kryma (Isars: Historical Essays on Medieval Fortresses of the Crimean Southern Shore)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., Siberian Branch (in Russian).
- Băjenaru, C. 2010. *Minor fortifications in the Balkan-danubian area from Diocletian to Justinian*. Cluj-Napoca: Editura Mega.
- Salch, C.-L. 1978. *L'Atlas des villes et villages fortifiés en France (Moyen Age)*. Strasbourg: Editions Publitotal.
- Żygulski, Z. 1988. *Sztuka turecka*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Монографія поступила в номер 1 июля 2014 г.

Vladimir Kirilko (Simferopol, Crimea). Candidate of Historical Sciences. Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Vladimir Kirilko (Simferopol, Crimeea). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimeea, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Кирилко Владимир Петрович (Симферополь, Крым). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: kir.vlad33@gmail.com

Address: ¹ Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 295007, Crimea